

Scientific public organization
PROFESSIONAL SCIENCE

**Materials of the I international
research and practice conference**

**Philology: actual questions of
theory and practice**

May 31th , 2016

Los Gatos (CA), USA
www.scipro.ru

UDC 8
LBC 80/83

P 57

Editors:
N.A. Krasnova, T.N. Pleskanyuk

Philology: actual questions of theory and practice: materials of the I international research and practice conference May 31st, 2016, Los Gatos (CA), USA: Scientific public organization “Professional science”, 2016. 71 p.

ISBN: 9781311148360

The collection of materials of the I international research and practice conference “Philology: actual questions of theory and practice”, May 31st, 2016 is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://www.scipro.ru>.

UDC 8
LBC 80/83

ISBN: 9781311148360

Editors N.A. Krasnova,
T.N. Pleskanyuk, 2016

Article writers 2016

Sole proprietorship N.A. Krasnova,
2016

CONTENTS

RUSSIAN LITERATURE	4
Gorbinko E.Y., Ionets K.I. «I am writing, I read ... I think about the Crimea ...» (Crimean impressions of Alexander Pushkin)	4
FOREIGN LITERATURE	9
Belik A.A. The implication of Rosicrucian philosophy into the architectonics of the novel “Zanoni” by E. Bulwer-Lytton	9
LINGUISTICS	17
Bronnikova E.Yu. Russia, Spain and the USA business partners: lingua-cultural view	17
Essina I.Y. To the question of translation as a tool of interdisciplinary knowledge	26
Litvinchuk I.N. Explication of emotive semantics and typical situations: communicative-cognitive approach	32
Pleskanyuk T.N. Language means of the expression of the text category connectivity	42
Ryzhikova M.D., Miloserdova E.A. Gender peculiarities of communication (on the data of English electronic book reviews).....	56
GERMANIC LANGUAGES	65
Babina E.A. Indirect identifiers of emotion component of the Chinese woman image in the novel by A. Tan “The Joy Luck Club”	65

UDC 821.161.1

**Gorbinko E.Y., Ionets K.I. «I am writing, I read ... I think about the
Crimea ...» (Crimean impressions of Alexander Pushkin)
«Пишу, читаю..., думаю о Крыме...» (крымские впечатления
Александра Сергеевича Пушкина)**

Gorbinko Elena Yurievna

Institute of pedagogical education and management (branch)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

gorbinko.elena@gmail.com

Ionets Kristina Igorevna

Institute of pedagogical education and management (branch)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Armyansk

kristina.homenko.94@mail.ru

Горбынко Елена Юрьевна

Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Армянске

Ионец Кристина Игоревна

Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Армянске

Abstract. The article shows how poetic and epistolary heritage of Pushkin Crimean display the pages of his life. After a short frustration that overtook the poet soon changed to positive emotions in the first minutes of stay in the Crimea. South Beach gave romanticism in poetry and life rich material for creative exploration.

Keywords: Pushkin, Crimea, antiquity.

Аннотация. В статье показано, как в поэтическом и эпистолярном наследии А. Пушкина отобразились крымские страницы его жизни. Недолгое

разочарование, которое настигло поэта в первые минуты пребывания в Крыму совсем скоро сменилось положительными эмоциями. Южный берег подарил романтику в поэзии и по жизни богатый материал для творческих изысканий.

Ключевые слова: А. Пушкин, Крым, античность.

В последнее время отечественные литературоведы всё чаще проявляют интерес к творчеству писателей, для которых Крымский полуостров служил источником творческого вдохновения. Не остался в стороне и классик русской литературы, непревзойденный поэт А. Пушкин, который отличался от своих современников страстью к путешествиям и жаждой познания красоты окружающего мира. Творческое наследие А. Пушкина всегда привлекало к себе внимание учёных, поэтому о нем написано несравненно, больше, чем о любом другом писателе, а может быть, и больше, чем обо всех прочих.

Проходят десятилетия и эпохи, растет и крепнет русская литература, а интерес к творчеству А. Пушкина не слабеет. О нём в свое время писали: В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Хлебников, А. Крученых, Б. Лившиц, Б. Модзалевский, П. Щёголев, Н. Лернер, М. Цявловский и многие другие. Вполне справедливо утверждение исследователей творчества великого поэта о том, что именно с Крыма и благодаря ему у Пушкина начался период создания неувядающих поэтических шедевров, так называемых южных поэм.

Цель нашей статьи проанализировать, как в поэтическом и эпистолярном наследии А. Пушкина отобразились крымские страницы его жизни.

196 лет назад, в 1820 году, Александр Пушкин был сослан на южный берег царской России: Кавказ и Крым. Азией и Европой именовал эти две стороны поэт, тем самым показывая на разность культур и традиций: в Крым он отправится с мыслью о былом могуществе роскошного античного мира, а встретится с ничем не примечательной грудой камней и изысканностью востока. Но прежде поэту предстояло два месяца провести на кавказских минеральных водах. Последним местом пребывания была Тамань, откуда он писал брату: «С полуострова Тамань, древнего Тмутараканского княжества,

открылись мне берега Крыма» [2, с. 169].

«Я вижу берег отдаленный, Земли полуденной волшебные края» – эти строки родились, когда А. Пушкин впервые увидел южный берег Крыма. С чего бы ему вздумалось называть Земли полуденными? Оказывается, полуденными, в те времена называли южные страны. Слово это относится к поэтической лексике и ныне считается устаревшим. Сейчас осталось лишь традиционное значение: полдень – ровно половина дня. Крымский отрезок этой «страннической» жизни был недлительным – он продолжался всего месяц. За три недели, которые поэт провел в Крыму, он побывал в Керчи, Феодосии, Гурзуфе, Бахчисарае и Симферополе. Эти города оставили разные впечатления после себя. Керчь великого поэта привлекла античной историей, которая больше овеяна мифологизмом: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи» [5, с. 97].

Несомненно, Пушкин был знаком с легендами об этих местах, одна из которых гласит, о золотом коне царя Митридата, бесследно исчезнувшего и до сих пор не найденного археологами. Во времена Боспорского царства в Пантикопее жил могущественный царь Митридат, которому склонилась вся Таврида. Самонадеянный правитель бросил вызов могущественной Римской Империи, потерпев поражение Митридат, обратился к своему прислужнику, чтобы тот пронзил его мечом, а гора поглотила золотого коня. Многие «везунчики» с тех пор пытались отыскать скульптуру в горе, но никому не удалось этого сделать. Это только малая доля легендарного прошлого, отголоски которого, видимо, хотел увидеть на крымском побережье А. Пушкин.

По приезду он первым делом направился к Митридатовой гробнице, но она не оправдала надежд: «на ближайшей горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих...» – такие строки сдержатся в письме к брату Льву. Не больше эмоциональности и восхищения мы находим в переписке с другом А. Дельвигом: «Я тотчас отправился на так называемую Митридакову

гробницу, (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления». Поэта постигло первое разочарование: он питал надежды созерцать нечто фантастическое, легендарное, а увидел «дело рук человеческих» [5, с. 117].

В письмах поэт был вовсе не романтиком, а внимательным наблюдателем и даже скептиком, потому и называл Крым «стороной важной, но запущенной», в которой за столько лет перемен не случилось и руки до неё как-то у государства не дошли. Достаточно вспомнить, как Пушкин рассказывает об археологических раскопках Пантикопея: «...какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий, но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится...» [2, с. 174].

Из Керчи Пушкин с Раевскими выехал в Феодосию. В поэзиях недолгое пребывание в Феодосии не нашло отблеска, но эпистолярное наследие сохранило воспоминания о пребывании в Феодосии и знакомстве с Броневским: «Из Керчи приехали мы в Кефу (Феодосию), остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом и, подобно старику Вергилию, разводит сад на берегу моря, недалеко от города ...» [3, с. 92]. Поражает смысловое искажение «...подобно старику Вергилию...». Несправедливо он так назван, ведь умер римский поэт на 50-м году. У Пушкина в письме старик не Вергилий, а персонаж его произведения «Георгики». Здесь в очередной раз проявилась любовь поэта к древним авторам. Античность не отпускала писателя, он искал образ благодатной, овеянной историей земли, даже в таких бытовых вещах как осуждение чиновника.

Погостив у своего сослуживца и товарища Николая Раевского по Кавказу, странники отправились в Гурзуф. В те времена это была небольшая татарская деревенька, расположенная у подножья Яйлы и Аю-Дага в тесной лощине. Морской путь потряс поэта настолько, что он непрерывно писал: «Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем... всю ночь не спал; луны не было; звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы...». Вот они

настоящие впечатления, которых жаждала душа романтика. В Гурзуфе «в кругу милого семейства» поэт прожил 17 дней, благодаря которым открыл для себя Крым; в письме к брату он назвал это время «счастливейшими минутами» своей жизни. Это время наполнено сильными переживаниями и тоской. О своем нахождении на Южном берегу, Александр Сергеевич рассказывает: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом...» [4, с. 118].

Выражение письма «жил сиднем» стоит понимать почти буквально, так как в те времена дороги на Южном берегу Крыма были в таком состоянии, что по ним можно было ездить лишь верхом. П. Бартнев – русский историк и литературовед, описывая досуг поэта в Гурзуфе, упоминает, что «Байрон был почти ежедневным его чтением». В итоге Байрон оказал неимоверное влияние на творчество последующих лет: он открыл русскому гению мир новых идей, образов, художественных средств, расширил творческие горизонты и способствовал преодолению одностороннего влияния французской поэзии.

6 сентября 1820 года Пушкин и Раевские направились в Бахчисарай, город, сохранивший яркий колорит средневекового востока, со всеми своими тупиками, узкими переулками и мечетями. Гуляя по дворцовому комплексу Хан-сарай, Пушкин еще не представлял, как глубоко затронут его душу интерьеры, фонтаны, и как оживут они в памяти при написании поэмы «Бахчисарайский фонтан»:

Фонтан любви, фонтан живой!

Принёс я в дар тебе две розы.

Люблю немолчный говор твой

И поэтические слёзы [1, с. 49].

Последним крупным городом, который успел посетить поэт был Симферополь, однако здесь он пробыл недолго и в середине сентября покинул полуостров. В ноябре 1836 г. Пушкин в последний раз вспомнит о Крымском полуострове в письме одному из основоположников русской музыкальной эстетики Николаю Борисовичу Голицыну: «Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату; письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний

всякого рода...». Недолгое разочарование, которое постигло поэта в первые минуты пребывания в Крыму совсем скоро сменилось «фонтаном» положительных эмоций. Южный берег подарил романтику в поэзии и по жизни богатый материал для творческих изысканий.

References

1. Гроссман Л.П. У истоков «Бахчисарайского фонтан» / Пушкин. Исследования и материалы. – Т. III. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 49–59.
2. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. – М.: Искусство, 1982. – 209 с.
3. Томашевский Б.В. Пушкин – М.: Худож. лит. – Т. 2 : Юг , Михайловское. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 380 с.
4. Формозов А.А. Пушкин и древности. – М.: Наука, 1979. – 138 с.
5. Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 92–121.

FOREIGN LITERATURE

UDC 82-312.2

Belik A.A. The implication of Rosicrucian philosophy into the architectonics of the novel “Zanoni” by E. Bulwer-Lytton

Импликация розенкрейцеровской философии в ткань художественного текста (роман Э. Бульвер-Литтона «Занони»)

Belik Anastasiia Alexandrovna

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Белик Анастасия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

anastasiabel2010@mail.ru

Abstract. The article treats fictional modification of Rosicrucian philosophy in the novel “Zanoni” (1842) by E. Bulwer-Lytton (1803–1873). The history and key points of Rosicrucian scientific and religious concept are shown to reflect Bulwer-Lytton’s consequential position towards it. The purpose of a detailed analysis of the architectonics and the symbolic system of “Zanoni” carried out is to point out the pragmatic of Bulwer-Lytton’s appeal to the Rosicrucian idea of perfection and to interpret the writer’s alternative concept of science and religion synthesis.

Keywords: Bulwer-Lytton, Zanoni, Rosicrucian idea of perfection, science and religion synthesis

Аннотация. Статья посвящена исследованию преломления розенкрейцеровской философии в романе Эдварда Бульвер-Литтона (1803–1873) «Занони» (1842). Кратко излагается история и ключевые узлы научно-религиозной концепции Розенкрейцеров, подчёркивается опосредованное отношение к ней викторианского писателя – знатока оккультных учений. Через анализ сюжетно-композиционных элементов и образной системы романа «Занони» выявляется прагматика обращения Бульвер-Литтона к идеалу познания раннего Просвещения и интерпретируется альтернативная концепция писателя, в центре которой – проблема синтеза науки и религии.

Ключевые слова: Бульвер-Литтон, «Занони», розенкрейцеровский идеал познания, синтез науки и религии

Эдвард Бульвер-Литтон – эксцентрический писатель викторианской эпохи, известный своим увлечением спиритуализмом, месмеризмом и другими оккультными теориями и практиками. В блоке своих так называемых «метафизических» романов – «Занони» (1842), «Привидения и их жертвы» (1859), «Странная история» (1862) и «Грядущая раса» (1871) – он стремился решить актуальную для викторианской эпохи проблему поиска баланса между наукой и религией.

Необходимо отметить, что принадлежность Бульвер-Литтона к тому или иному оккультному обществу (в том числе английскому розенкрейцеровскому)

не доказана; а его религиозно-мистические взгляды в целом расплывчаты и синкретичны. Таким образом, его интерес к розенкрейцеровской философии следует квалифицировать как один из векторов общей ориентации на эзотерическую аксиологию. Тем не менее в данной статье мы считаем необходимым схематично воспроизвести ключевые сведения из истории и философии Розенкрейцеров.

Братство «Розы и Креста» обращает на себя внимание в начале XVII века, когда в Касселе (Германия) появляются их анонимные трактаты. Учение розенкрейцеров воплощает в себе идеал познания ушедшей эпохи Ренессанса: в центре учения – образ бескорыстного искателя истины, который экспериментирует с разными веществами, овладевает природой – но не ради получения власти над другими людьми, а во имя совершенствования мира.

Розенкрейцерство выделяется на фоне других течений эзотерической мысли прежде всего тем, что выходит за рамки осмысления отвлечённых, над-исторических вопросов, космологии и антропософии: анонимные трактаты братства со временем становятся элементом идеологической борьбы протестантов против косности католицизма и, в частности, папы Римского; надвигающейся контрреформации, агрессии Габсбургов и Священной Римской империи в целом. Некоторые исследователи связывают розенкрейцерство с такими магистральными направлениями христианства, как протестантизм [Murray, 1919, pp. 265–270], ничего уже не говоря об очевидном влиянии на масонство. Ф. А. Йейтс, специалист по истории европейского Возрождения, вводит термин Розенкрейцерское Просвещение, рассматривая розенкрейцерство как определённую фазу в истории европейской культуры, пришедшую на промежуток между Ренессансом и Новым временем. Эту фазу, по мнению исследовательницы, характеризует появление новой герметической традиции – алхимической: «Розенкрейцерские манифесты как нельзя лучше выражают суть этого явления – соединив в себе магию, каббалу и алхимию, они послужили импульсом и основой начавшегося в то время просветительского движения» [Йейтс, 1999, с. 3]. Впрочем, для собственно

эпохи Просвещения с её утверждением величия человека с позиций разума всякая алхимическая традиция была органически чужда – во всяком случае, для магистральных течений культуры. Об этом среди всего прочего свидетельствует литература, в которой если и появляются признаки невидимого, мистического мира, то лишь в качестве комического, декоративного элемента – как, например, в начале поэмы А. Поупа «Похищение локона» (1712).

Позднее, в эпоху предромантизма, новая волна интереса к алхимии, магии и каббале, теософии и натурфилософии связана уже с *кризисом* просветительского рационализма – несостоятельностью философского детерминизма перед лицом обострившихся социальных противоречий (апогеем которых стала французская революция) и усложнившимся с развитием естественных наук представлением о человеке, природе и их сложной взаимосвязи. Не случайно именно в это время, как отмечает В. М. Жирмунский, наблюдается особая социально-политическая активность тайных мистических обществ; возвращение к фантастическому истолкованию не только подсознательных процессов, но социально-бытовых явлений (таких, как, например, азартная игра) через их связь с природной стихией [Жирмунский, 1967, с. 265]. Действие романа «Занони» приходится именно на описываемую эпоху – возможно, поэтому Бульвер-Литтон избирает розенкрейцерство в качестве опорной системы знаний о возможностях и значении духовного совершенствования человека [Schlun, 2007, p. 143]. Среди других произведений эпохи, содержащих упоминания о розенкрейцерах или намёки на них: роман «Сен-Леон» (1799) У. Годвина, трактат Ф. Баррета о принципах и ритуалах оккультизма «Маг» (1801), «Фауст: роман о секретных трибуналах» (1847) Дж. У. М. Рейнольдса (по свидетельству Г. Ф. Лавкрафта) и др. [Лавкрафт, 2015, с. 523]

Космософия Розенкрейцеров исходит из противопоставления якобы исчерпавшей себя *материалистической науки*, оперирующей исключительно зримым и осязаемым, *науке духовной*, заявляющей о существовании множества

миров, которые человек может научиться воспринимать и использовать на благо других. Эволюцию человечества, всякий переход на новую ступень развития Розенкрейцеры связывают с утончением используемых человеком энергий: от твёрдых тел (каменные орудия) через жидкости (водяные мельницы) и газы (ветер, приводящий в движение корабли и ветряные мельницы) – к электричеству. Следовательно, считают Розенкрейцеры, следующий шаг человек сможет сделать, лишь открыв и освоив ещё более тонкую энергию, передаваемую с большей лёгкостью, чем любая из уже известных сил. М. Гендель, например, предполагает, что подобной силой может быть нечто сродни Врилю из «Грядущей расы» Бульвер-Литтона. «Человеческий ум не способен вообразить чего-либо, что не может быть достигнуто. Возможно, под фантастическим нарядом Вриля скрыт ценный ключ. Если мы заглянем в себя, то признаем: сила, имеющая широчайшие возможности – это Сила Мысли». [Гендель, 2012, с. 336].

Опираясь на розенкрейцеровскую космофизику и символику, Бульвер-Литтон в романе «Занони» подчёркивает *формальность* принадлежности своих главных героев, Занони и Меджнура, к обществу Розенкрейцеров: на вопрос ученика «я полагаю, что не ошибаюсь, думая, что вы оба члены братства Розенкрейцеров?» Меджнур отвечает: «Неужели вы думаете, что не было никакого мистического общества, стремившегося к тем же целям и теми же средствами, прежде чем арабы, в 1378 году, передали одному немецкому путешественнику тайны, которые послужили основанием общества Розенкрейцеров? Однако я допускаю, что Розенкрейцеры составляли секту, происходившую от великой и более древней школы». Далее Меджнур на научном языке объясняет своему ученику природу тонких тел, изредка обращаясь к розенкрейцеровской символике как к иллюстративному материалу («...отсюда любимые фантомы розенкрейцеров – сільфы и гномы»). Таким образом, Бульвер-Литтон не претендует на достоверное отображение истории и философии Розенкрейцеров, а скорее отталкивается от их аксиологии и символики, поднимает рассматриваемую проблематику на

надконфессиональный, прафеноменальный уровень.

Условность розенкрейцеровской «системы координат» в романе считается не только через прямые на то указания, но и через очевидные антиномии, являющиеся проекцией противоречивой природы автора. В первую очередь, остаётся неопределённой природа необыкновенных способностей Занони и Меджнура. С одной стороны, они объясняются доведённым до совершенства знанием; герои-идеологи постоянно подчёркивают недооценённость естественных сил природы, дискредитируют всякую мистику. Симптоматично, что одну из концептуальных категорий образуют в романе ботаника и траволечение: многие пограничные ситуации и ключевые узлы восхождения к знанию связаны именно с химическими свойствами растений¹. Этот акцент – одна из наиболее важных форм выражения той идеи, что наивысшая степень знания может быть достигнута единственно научным путём, однако для этого необходимо поменять угол научного зрения. Между тем, стилистические особенности языка, на котором говорит, например, Меджнур, и образная система сообщают нарративу мистический колорит, заставляющий усомниться в потенциально научной природе описываемых явлений. Так, в одном из эпизодов (во время извержения вулкана) Занони предстаёт как огромная бесформенная тень, повторяющая человеческие очертания, но превосходящая их – образ, отсылающий с учётом описанных обстоятельств, скажем, к римскому богу Вулкану. Здесь актуализируется способность Занони трансформировать своё тело, уподобляясь мифологизированному духу природы. Таким образом, категории естественнонаучного и мистического образуют в тексте нечто неделимое, не позволяющее определить доминирующий инстинкт романа.

Однако каркас розенкрейцеровских идей добросовестно выполняет свою сюжетно-композиционную функцию. В первую очередь, это сам процесс

¹ Ту же проблему соотношения мистического и научного находим, например, в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» (1885) Р. Л. Стивенсона: дуализм природы героя *чудесным* образом обретает осязаемую форму с помощью действия *аптекарских* порошков. Однако у Стивенсона проблема соотношения чудесного и естественного отчасти снимается с помощью художественных, стилистических средств (см. об этом: Набоков, 2014, с. 262 – 265.); тогда как Бульвер-Литтон действует более прямолинейно, и оттого результат вызывает больше вопросов.

обучения – подготовки к инициации, иллюстративная презентация которого в романе вполне соответствует «официальной» розенкрейцеровской программе. Чтобы стать Посвящённым, необходимо иметь определённые задатки (смелость, силу воли, благородное происхождение и т.д.), преодолеть человеческую природу (которой свойственно стремиться к чувственным удовольствиям, собственной выгоде и тщеславному самоутверждению), обрести комплекс широких знаний и пройти психологические испытания – что и описывается в центральных частях романа. Акцент сделан на принципиальном концепте розенкрейцеровской философии – бескорыстном овладении знанием. Судьба Глиндона иллюстрирует непреложность этих законов: недостаток веры и воли в борьбе со страстями, малейшее желание выгоды для себя и непослушание Учителю навсегда отрезает все пути к посвящению. Другой центральный образ – Занони – демонстрирует зыбкость достигнутых вершин познания: даже если человек прошёл все испытания и открыл все тайны, потеря самоконтроля, подверженность чувству любви и красоты приводит к обнулению всех рациональных смыслов.

И здесь логика нарратива снова приводит нас к идеологическому дуализму: с одной стороны, розенкрейцеровская аксиология презентована в романе как позитивный (как бы парадоксально не выглядел здесь этот эпитет) идеал познания и вектор любого нравственного совершенствования. С другой стороны, очевидно, что симпатии автора на стороне Занони (*«Но ты, Занони [...] не умертвил своего сердца; [...] род человеческий, которого ты составляешь часть, есть для тебя что-то более, чем холодное развлечение»*), восходящего к духу через человеческие смыслы и постигающего тайны не только бесконечной жизни, но и смерти как её составной части. Возможно, Бульвер-Литтон говорит здесь об опасности фаустовского начала – как в аспекте неизбежной деструктивности стремления к абсолюту, так и хрестоматийной романтической проблемы отчуждения гордого духа от природы – однако не может до конца от этого идеала отказаться, ибо без него невозможно никакое развитие. И хотя Занони избирает для себя человеческую,

близкую к христианской, добродетель – его величие именно в том, что он сделал этот выбор, только *всё* познав. Таким образом, Бульвер-Литтон, отталкиваясь от розенкрейцеровских, романтических, христианских концептов и позитивных идей своей эпохи пунктирно намечает в своём романе образ идеального человека.

References

1. Бульвер-Литтон Э. Призрак / Пер. О. Чоракаева. Лит. обработка Г. Пархоменко, О. Чоракаева. – М.: Радуга, 1994. – 430 с.
2. Гендель М. Лекции о христианстве розенкрейцеров. Сокровенные тайны о Шекспире. – М.: Профит Стайл, 2012. – 448 с.
3. Жирмунский В. М. и Н. А. Сигал. У истоков европейского романтизма // Уолпол Г. Замок Отранто. Казот Ж. Влюбленный дьявол. Бекфорд У. Ватек. – Л. : Наука, 1967. – С. 249 – 284.
4. Йейтс Ф. А. Розенкрейцеровское Просвещение. – М.: «Энигма», 1999. – 496 с.
5. Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе. Статья / пер. С. Антонова, И. Богданова, В. Дорогокупли и др. // Зов Ктулху: повести, рассказы, сонеты. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015. – С. 497 – 523.
6. Набоков В. В. Лекции по истории зарубежной литературы. – СПб.: 2014. – 512 с.
7. Schlun B. W. Science and the imagination: mesmerism, media, and the mind in nineteenth century English and American literature. – Berlin: Galda + Wilch Verlag, 2007. – 371 p.
8. Murray J. A. The Catholic Historical Review, Vol. 5, No. 2/3 (Jul. – Oct., 1919), pp. 265 – 270 // Review of New England and the Bavarian Illuminati by Vernon Stauffer; Vol. LXXXII of Studies in History, Economics and Public Law by The Faculty of Political Science. – New York: Columbia University Press, 1918.

УДК 81

Bronnikova E.Yu. Russia, Spain and the USA business partners: lingua-cultural view

**Партнеры по деловым контактам в лингвокультурном измерении (на
примере России, Испании и США)**

Bronnikova Ekaterina Yurievna

North Caucasus Federal University

ek_bronnikova@mail.ru

Бронникова Екатерина Юрьевна

Северо-Кавказский Федеральный Университет

Abstract. This article represents the results of linguacultural analysis of business partners from Russia, Spain and the USA on their communicative behavior and cultural dimension key features that will contribute to a higher effectiveness of the business partners' crosscultural interaction.

Keywords: cross-cultural communication, cultural dimensions, business culture.

Аннотация. В данной статье представлены результаты лингвокультурного анализа делового поведения представителей из России, Испании и США с целью выявления доминант делового коммуникативного поведения данных партнеров, знания которых позволит повысить эффективность взаимодействия данных партнеров.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, деловая культура, категория культуры.

Внешнеэкономические отношения немислимы без межличностного

взаимодействия деловых партнеров. В многонациональных корпорациях и организациях, ведущих экономические отношения, происходит пересечение корпоративных устоев и поведенческих канонов разных национальных, культурных, языковых сообществ. Такое столкновение деловых культур может обернуться как полной неудачей межличностного взаимодействия сотрудников, так и трамплином для дальнейшего развития компании. Сталкиваясь с представителями других культур, партнеры ощущают специфику того лингвокультурного сообщества, с которым они имеют дело. Эта специфика выражается в психологических свойствах личностей иностранных партнеров, национальным менталитетом, стереотипами и моделями поведения. Логично, что для успешного делового межкультурного взаимодействия участникам переговоров необходимо иметь ясное представление о социокультурных характеристиках друг друга.

В настоящей работе мы будем рассматривать межкультурное деловое взаимодействие партнеров, составив социокультурный портрет каждой из сторон и выделив присущие им доминанты коммуникативного поведения. В описании портрета русских, испанцев и американцев мы будем опираться на концепции базовых категорий деловых культур, предложенные Льюисом Р.Д. и Хофстеде Г., Э.Холла.

Проведем сравнение русской, испанской и американской деловых культур на основе классификации культур Д. Льюиса. Полиактивные русская и испанская культуры противопоставляются моноактивной американской по различным аспектам. Так, эмоциональные испанцы и русские отличаются от расчетливых, прямых американцев. При сборе информации американцы ориентированы на формализованную информацию, а русские и испанцы – на диалог через личные каналы информации. Полиактивность русских и испанцев проявляется на лексическом уровне в стремлении выразить эмоциональность просьбы и вызвать симпатию собеседника, ласкательных и неформальных обращений с хорошо знакомыми коллегами. Во время делового общения русские выстраивают приоритеты в таком порядке: личные взаимоотношения,

форма, внешние проявления, возможность для заработка [1, с.19].

Моноактивность американской деловой культуры проявляется в серьезном отношении к намеченным срокам, стремлении как можно скорее завершить выполнение одной задачи, чтобы перейти к выполнению следующей. Это выражается в неоднократном повторении запроса или просьбы, тем самым вежливо изъясняется требование о срочном ответе и выражается благодарность за вовремя предоставленную информацию. В американской деловой культуре выполнение договорных обязательств является обязательным, в русской и испанской возможны различные отклонения от условий договора. По результатам опросов российских бизнесменов выяснено, что они предпочитают выбирать представителей моноактивной культуры в качестве идеальных партнеров. Представители моноактивных культур, в свою очередь, предпочитают вести дела деловыми партнерами своего типа деловой культуры [2, с. 163].

Сравним, также, партнеров по деловому взаимодействию из России, Испании и США по параметру, предложенным Э.Холлом. Он различает монохронные и полихронные культуры по их отношению ко времени и противопоставляет монохронную американскую деловую культуру и полихронные русскую и испанскую культуры. Монохронность американцев соответствует их линейному, последовательному мышлению и выражается в сосредоточенности на одной задаче в определенный промежуток времени. В отличие от них, полихронные русские и испанцы способны быстро переключаться между разными по тематике и срочности задачами.

Кроме того, самоидентификация культуры во временном пространстве выражается в ценности долгосрочных связей и отношений с деловым партнером, характерных для русской деловой культуры, а противоположные ей американская и испанская культуры предпочитают краткосрочные деловые контакты. В данном аспекте, планирование на долгий промежуток времени, свойственное русской деловой культуре, говорит о том, что русские могут отказывать себе в удовлетворении потребностей в настоящем, соглашаясь на

инвестирование проектов и программ, которые завершатся при жизни следующих поколений. Русские рассматривают деловые отношения с каким-либо партнером как вечный союз, условия взаимодействия внутри которого можно модулировать в зависимости от ситуации. Ориентация русских на долгосрочные отношения выражается подчеркиванием общности интересов путем употребления форм местоимения «мы».

Для американцев и испанцев деловые контакты носят временный характер, партнеры сотрудничают до тех пор, пока это устраивает их, так как единовременная выгода, достижимая за короткий промежуток времени, для них более привлекательна. Для западных культур успех представляет собой достижение конкретной краткосрочной цели, в то время как успех у русских предполагает выгодное долгосрочное сотрудничество - процесс, а не событие [З с. 176]. Испанская и американская деловые культуры ориентированы на краткосрочные отношения и в них не принято строить больших надежд по поводу дальнейшего сотрудничества с партнером. Если кого-то из участников делового взаимодействия не устраивают условия договора, он не будет скорректирован, будет найден новый партнер.

Представим сравнительную характеристику рассматриваемых культур в свете типологии Г. Хофстеде. Внутри категории культуры индивидуализм-коллективизм Россия и США располагаются по полюсам, а Испания занимает промежуточное положение. Россия относится к коллективистскому типу деловой культуры. Это означает, что в России интересы группы превалируют над интересами индивида. С самого рождения представители русской культуры воспринимают себя как часть «мы-группы», которая является источником создания собственной идентичности. Между индивидом и группой изначально развиваются отношения зависимости. «Мы-группа» служит защитой для индивида, от которого в ответ требуется постоянная лояльность в отношении группы. Противоположные характеристики присущи американской деловой культуре. Американский индивидуализм выражается в очень открытой форме в виде конкуренции во всех сферах жизни общества. Каждый индивид в США

позиционирует себя как отдельную независимую личность, и подстраиваться под интересы группы для нее унизительно. В испанской культуре в равной степени имеются как черты индивидуализма, так и коллективизма. Работа в команде и кооперация является привычным способом организации труда в испанском деловом обществе, при этом успехи или неудачи в выполнении задачи являются результатом работы всей группы. Нужно отметить, что в связи с американизацией и насаждением принципов индивидуализма среди молодежи по всему миру, в сегодняшней России и Испании коллективизм более свойственен представителям старшего поколения, чем молодым людям, а в сфере делового общения прочно закрепилась американская модель самосознания личности в коллективе.

Коллективистский, но с чертами индивидуализма, характер русской деловой культуры имеет отражение в речевом поведении на грамматическом уровне в выборе обращения на «мы – вы», когда собеседники олицетворяют себя со своей профессиональной группой и ведут диалог как бы от лица всей организации.

В отношении феменинности или маскулинности деловые культуры Россия и Испания противопоставляются США. Русская и испанская культуры являются феменинными, на первом плане у них находятся эмоциональные связи между людьми, забота о других членах общества, сам человек и смысл его существования. Конфликты в таких культурах пытаются решать путем переговоров и достижения компромисса. Феменинность русской деловой культуры ярко выражена на грамматическом уровне высокой частотностью сослагательного наклонения с целью снизить категоричность высказывания, а также на лексическом уровне наличием большого количества формул вежливости. В участливом подходе к проблемам коллег и клиентов и выражении заботы по отношению к ним прослеживается феменинность испанской деловой культуры. И наоборот, в американской маскулинной и прагматичной культуре конфликты решаются в свободной борьбе, по принципу «пусть победит сильнейший», так как это является способом выражения

лидерского потенциала американцев, определения ценности их личностных достижений и результатом упорного труда для достижения цели. Проявление маскулинности у русских и испанцев также имеет место, но это скорее является исключением, чем правилом поведения.

Хофстеде Г. выделяет такую категорию как избегание неопределенности, которая выражает отношение той или иной культуры к неизвестным ситуациям, рискам и в целом к будущему: позволять ходу событий идти своим чередом или планировать каждый шаг. Русская и испанская корпоративные культуры характеризуются высоким уровнем избегания неопределенности, наблюдается высокий уровень агрессивности, как следствия повышенного уровня стресса в непредвиденных ситуациях, для выхода которой в таких обществах создаются особые каналы. Это проявляется в существовании многочисленных формализованных правил, регламентирующих действия, которые дают возможность для людей максимально избегать неопределенности в поведении. Например, в организациях создаются особенно подробные законы или неформальные правила, которые устанавливают права и обязанности работодателя и наемных работников. Кроме того, существует множество внутренних правил и инструкций, определяющих распорядок рабочего дня. Создается четкая структура, в которой люди стараются в максимально возможной степени избежать случайностей. В таких культурах постоянная спешка является нормальным явлением, а люди не склонны к принятию быстрых изменений, препятствуют возможным нововведениям и опасаются рисков. Уровень избегания неопределенности в США значительно ниже, чем в России и Испании, американца легче идут на риск. Непредвиденное они расценивают как результат некомпетентности партнера либо как нечестную игру. При этом они гибки в процессе принятия решений и способны к творческому "мозговому штурму". Сами они четко нацелены на практический результат, а потому проявляют большую изобретательность в затруднительных ситуациях и в тех случаях, когда требуется найти нестандартное решение. Высокая степень избегания неопределенности и стрессовых ситуаций,

касающихся сделок с определенной степенью риска, у русских находит выражение в умышленном искажении информации, указываемой в деловом письме, что, как правило, касается сокращения сроков выполнения поручений, назначения более раннего времени встреч и т.д. Низкая степень избегания неопределенности американской культуры выражается в общении между деловыми людьми, при котором они подробно планируют, структурируют рабочий процесс, дают друг другу ясные лаконичные инструкции и разделяют обязанности друг друга с целью экономии времени.

Сравнение России, Испании и США по критерию дистанции власти показывает, что русская культура имеет большую дистанцию власти, в то время как испанская культура принадлежит к странам со средней, а американская культуре свойственна малая дистанция власти. В России с большой дистанцией власти начальство видится как некая данность, имеющая фундаментальные основы. Вопрос о легитимности власти здесь не столь важен, поскольку в обществе негласно присутствует признание того, что в мире должен быть определенный «порядок неравенства», в котором каждый имеет свое место. Свойственная русской деловой культуре большая дистанция власти проявляется в использовании социально-дистантных формы обращения не только по отношению к начальству, но и в деловом общении сотрудников одного иерархического уровня. Средний уровень дистанции власти у испанцев так же свидетельствует о признании обществом иерархии и формально не закрепленного распределения ролей. Однако потребность в независимости индивида и признание этого в испанском обществе не теряет важности и всегда учитывается. В американской деловой культуре между начальником и подчиненным нет барьера, деловое общение происходит в непринужденной обстановке по принципу равенства, страх не имеет место.

В описании портрета данных партнеров мы также воспользуемся результатами исследования Э.Холла, который полагает, что характер и результаты процесса коммуникации определяются и степенью информированности его участников и в связи с этим выделяет высоко- и

низкоконтекстные культуры. В России и Испании у людей нет необходимости в получении более полной информации. Здесь люди нуждаются лишь в незначительном количестве дополнительной информации, чтобы иметь ясную картину происходящего, так как в силу высокой плотности неформальных информационных сетей они всегда оказываются хорошо информированными. Высокая плотность информационных сетей предполагает постоянные контакты с коллегами, клиентами. В этом случае в отношениях между людьми всегда присутствуют тесные связи. Люди из таких культур не нуждаются в детальной информации о происходящих событиях, так как они постоянно в курсе всего того, что происходит вокруг.

Высококонтекстная русская и испанская деловая культуры считаются однородными с точки зрения накопленного исторического опыта, информационной обеспеченности. Многие предсказуемо, и не предполагается наличие подробной информации о происходящем. В высококонтекстных испанской и русской культурах многое определено экстралингвистическими контекстом: иерархией, социальным статусом, полом. Поэтому поведение русских и испанцев значительно различается по отношению к начальству и подчиненным, коллегам мужского и женского пола, экономически выгодным партнерам по бизнесу и нет. В сознании людей, принадлежащих к высококонтекстным культурам, уже заложена дополнительная информация, и без знания этой имплицитной информации интерпретация поведения будет неполной или неверной. В американской культуре, которая соединяет в себе средний и низкий контексты, для полноценного общения деловые люди нуждаются в подробной и детальной дополнительной информации [4, с. 217]. Это объясняется тем, что практически отсутствуют неформальные сети информации и как следствие люди оказываются недостаточно информированными. К типу низкоконтекстуальных культур можно частично отнести культуру США. Американцы всегда нуждаются в большом количестве дополнительной информации. В низкоконтекстуализированной коммуникации слушатель знает очень мало, и ему необходимо рассказывать практически обо

всем. В высококонтекстуализированной коммуникации слушатель уже "контекстуализирован", и поэтому ему не нужно давать много фоновой информации (дополнительных сведений)". Американские контракты, например, в намного длиннее и подробнее, чем русские и тем более испанские. Американцы любят, чтобы было много содержания, а испанцы не заботятся об этом, если содержание соглашения понятно.

Таким образом, сравнение России, Испании и США по параметрам культурных детерминант корпоративного поведения Льюиса Р.Д., Хофстеде Г. и Э.Холла позволяет сделать вывод, что все три культуры в деловой сфере проявляют, хоть и в разной степени, индивидуализм, испанская и русская культуры во многом сходятся, а русская и американская – находят малое количество точек соприкосновения. Так, Испания и Россия являются полиактивными полихронными высококонтекстными культурами. Им свойственны феминность, высокая степень избегания неопределенности. Однако нужно иметь в виду, что в русской культуре дистанция власти высока, в то время как в испанской культуре иерархическое устройство общества имеет место, но не абсолютизирует роль власти и предполагает демократичное отношения к подчиненным. Русскую и американскую культуру объединяет стремление к универсализации, в остальных же категориях данные культуры являются полными противоположностями.

References

1. Денисова А.А. Общегуманитарные и этнокультурные проблемы профессионально-деловой коммуникации на русском языке: инновационный подход: Учеб.пособие. – М.: РУДН, 2008. – 129 с.
2. Жукова М.А. Менеджмент в туристском бизнесе : учебное пособие / М.А. Жукова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2010. — 192 с.
3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. : Гнозис, 2005. 352 с.
4. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. М: Дело, 2001. Вып. 2–е. 448 с.

5. Американское коммуникативное поведение: Научное издание / А618 Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. - Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. -224 с.
6. Hall E., Hall M. Understanding cultural differences. Yarmouth, 1990. 196 с.
7. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, London, 1980.

UDC 81

Essina I.Y. To the question of translation as a tool of interdisciplinary knowledge

К вопросу о переводе как инструменту междисциплинарных знаний

Essina Irina Yuryevna

Saratov State Law Academy

essina@rambler.ru

Ессина Ирина Юрьевна

Саратовская государственная юридическая академия

Abstract. Teaching translation in the light of the multidisciplinary knowledge emerges as one of the goals and a means of learning. This article reveals how to translate an object conveying the meaning of the text in a foreign language by creating text in the target language. In the modern period of convergence of interdisciplinary knowledge, the training of translation can give future professionals a lot more than just communication and self-expression in a foreign language. Translation helps to gain additional knowledge in a different format of studied disciplines.

Key words: Foreign language, translation, quality of teaching, interdisciplinary paradigm, tool of business and legal communications, phraseology and sustainable phrases

Аннотация. Обучение переводу в неязыковом вузе в свете

междисциплинарных знаний выступает как одно из целей и одно из средств обучения. Данная статья раскрывает перевод, как объект передачи смысла текста на иностранном языке посредством создания текста на языке перевода. В современный период сближения междисциплинарных знаний обучение переводу может дать будущим специалистам намного больше, чем просто общение и самовыражение на иностранном языке. Перевод помогает получить дополнительные знания в ином формате изучаемых дисциплин.

Ключевые слова: Иностранный язык, перевод, качество обучения, междисциплинарная парадигма, инструмент деловых и правовых коммуникаций, фразеология и устойчивые словосочетания

Задача высшей школы на сегодняшний день остается неизменной: подготовка квалифицированного, конкурентноспособного на рынке труда специалиста, готового к профессиональному росту и самообразованию, несущего личную ответственность за уровень своих изысканий. [1,С.202]

Для осуществления этой задачи необходимо повысить качество образовательных услуг с учетом требований потребителей. При этом обеспечить единое образовательное пространство, сформировать единую методическую и информационную базу вузов России для обеспечения мобильности всех участников образовательного процесса высшей школы.

Иностранный язык играет весьма существенную роль в этом процессе. Инновационные наработки в системе обучения иностранному языку, организация ритмичной и продуктивной межпредметной учебной деятельности студентов также имеет все предпосылки для формирования опыта работы в самообразовании, успешности продвижения студентов в образовательном процессе, которая могла бы легко адаптироваться к международным требованиям.[1,С.206]

Эффективную реализацию поставленной задачи и механизмов обеспечения качества обучения позволяет осуществить ранжирование потенциала студентов в свете изучения иностранного языка. Иностранный язык

при таком обучении рассматривается, прежде всего, как инструмент приобщения к области специальных знаний, и содержание обучения отличается совмещением предметного и языкового компонентов во всех звеньях учебной деятельности.[2,С.14]. При решении поставленного вопроса именно междисциплинарная парадигма, представляющая собой совокупность фундаментальных научных установок, является объединяющим фактором в системе высшего образования и обеспечивает целостность обучения с учетом содержательного и процессуального компонентов изучаемых дисциплин. Так в юридическом вузе особое внимание при изучении техники перевода уделяется различным профилирующим дисциплинам. С этой целью коллектив кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии в течение ряда лет ведет обучение по программе дополнительного образования, тесно сотрудничая с различными кафедрами, разрабатывая паттерны переводческих навыков будущих юристов с учетом правовой культуры, выражаемой правовой терминологией английского языка. Эта проблема решается как на лингвистическом, так и на лингводидактическом уровнях в научных разработках профессорско-преподавательского состава кафедры, а также в многочисленных учениках и учебных пособиях для бакалавров, магистрантов и аспирантов [3,С.106]

В современном мире процесс глобализации набирает обороты уверенными темпами. Огромное значение приобретает унифицированный инструмент деловых и правовых коммуникаций – английский язык. Примечателен тот факт, что иностранные компании создают свои предприятия не только новые для нашей страны, но и модернизируют существующие деловые процессы. Это значит, что юрист или предприниматель обязаны знать на достойном уровне иностранный язык, используя его, как в финансовой, так и в образовательной, юридической сферах.[4,С. 187]

При этом обучение переводу в неязыковом вузе в свете междисциплинарных знаний выступает как одна из целей и одно из средств обучения, представляющее собой передачу смысла текста на иностранном

языке посредством создания текста на языке перевода.

С течением времени проблемы перевода все больше занимают умы людей. Так, В.А. Жуковский отстаивал принцип творческого подхода к переводу, а В.Г. Белинский выдвигал на первый план значение передачи сути оригинала, и сохранения содержания и формы в их неразрывном единстве., А.С. Пушкин подчеркивал необходимость придерживаться фразеологии и устойчивых словосочетаний родного языка. Великий поэт делал акцент на изучении знаний о жизни данной страны, Н.Г. Чернышевский категорически был против чрезмерной вольности в работе переводчика.

Перевод как вид языкового упражнения помогает укреплять междисциплинарные связи. И как аспект преподавания иностранного языка помогает познать иные предметы, преподаваемые в вузе в большем объеме, делая перевод богаче и насыщеннее, что также способствует овладению всеми стилистическими приемами и образными средствами языка.

Не оставляет без внимания и тот факт, что перевод воспитывает у студентов языковое чутье, мотивацию, изобретательность, понимание стилистических тонкостей текста. В тексте объективное содержание, являющееся объектом изложения, для четкости передачи и воспроизведения должно соотноситься с планом языкового выражения. Следует отметить, что в литературном стиле оно передается инвариантным способом при помощи определённых, традиционно закреплённых языковых средств и способов изложения. Категорически против усложненности речевых оборотов выступают многие переводчики, настаивая на доступности и увлеченности и занимательности перевода [5,С.16].

Существует специфика в современной английской, прежде всего письменной, научной речи, где также доминируют основные законы изложения, перевода. Нельзя обойти вниманием определенные стилистические, лексические, грамматические средства языка, соответствующие особому научному функциональному стилю. Функциональный стиль научного текста проявляется и в устной и письменной формах. Границы между ними весьма

расплывчаты, хотя каждый имеет свои стилеобразующие нормы. В плане содержания в жанре научной статьи на английском языке существует следующая классификация:

Contributed papers- свежие оригинальные результаты

Review papers – обзорный материал с анализом новых положений

Tutorial papers- многогранный обзор, представленный в дидактическом формате

Кафедры нашего вуза организовали совместные проекты по переводческим практикумам, что просто необходимо для усиленной подготовки студентов, аспирантов, магистрантов, занимающимися научным изысканиями к публикациям научного труда.

Работать с таким материалом достаточно сложно. Задача –определить мотивацию и научить студента взглянуть на текст не как случайное скопление незнакомых слов, а как на четко организованное по законам языковой системы, содержание, которое необходимо раскрыть только зная эти правила. Студент, у которого есть много трудностей лингвистического характера при чтении предложенного для перевода текста - сталкивается с лингвистическим анализом фраз, и не схватывает смысла текста. Отсюда возникает неспособность создавать эквиваленты, появляются ошибки, что неизбежно приведет к появлению лакун в языке.

Нельзя не упомянуть и о фразеологизмах, весьма правильное использование, которых дает мощный импульс к качественному знанию новых словосочетаний, слов и оборотов речи при переводе. Язык и фразеология находятся в непрерывном развитии и являются огромным источником для обширных лингвистических исследований. Самым трудным для перевода фразеологических единиц оказались фразеологизмы, основанные на современных реалиях. Авторы часто для большей оригинальности текста, преобразуют фразеологизмы, используя новаторские методы, достигая стилистического эффекта для передачи необходимой информации, стремясь передать языку свою способность к творческой деятельности. Системное изучение фразеологии

открывает возможность повысить речевую готовность к образному выражению мысли, постичь суть разных предметов более основательно.

В результате изменений условий преподавания, междисциплинарный аспект внедренный в переводческую деятельность изменяется и пополняется новыми единицами, разнообразными видами работ что меняет коммуникативный алгоритм жизнедеятельности, дает возможность для поиска новых средств выразительности. Важность совместных межпредметных семинарских занятий в контексте переводческой деятельности требует и сам процесс обучения.

Таким образом, обучение переводу может дать будущим специалистам намного больше, чем просто общение и самовыражение на иностранном языке. Перевод откроет иной формат жизни, иной менталитет и социальный опыт.

References

1. Ефимова И.И., Ессина И.Ю. Использование балльно-рейтинговой системы для аттестации учебной работы студентов на кафедре английского языка, теоретической и прикладной лингвистики «Саратовской государственной юридической академии» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. №5(100). 2015. С. 202-206.

2. Ессина И.Ю. Ранжирование потенциала студентов в свете учебной деятельности // Инновации и традиции в современном образовании сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». 2016. С. 10-16.

3. Хижняк С.П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов в лингвометодическом освещении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 2. С. 105-109.

4. Протасова Н.А., Ессина И.Ю., Ефимова И.И., Семенова Э.В. Иностраный язык как компонент профессиональной подготовки специалиста-юриста // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015.

№ 5(106). 2015.

5. Ессина И.Ю. Некоторые особенности перевода фразеологических единиц в аспекте их структурного преобразования.// Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции.9апреля,2014,Саратов ИЦ «Наука»,15-17

UDC 81232

Litvinchuk I.N. Explication of emotive semantics and typical situations: communicative-cognitive approach

**Экспликация эмотивной семантики и типовые ситуации:
коммуникативно-когнитивный подход**

Litvinchuk Irina Nikolayevna

Academy of Building and Architecture (structural subdivision),
Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

Литвинчук Ирина Николаевна

Академия строительства и архитектуры (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

Abstract. Process of learning the foreign language (Russian in particular) is interpreted in the perception of the participants of this process as the complex of various communicative situations, each of which is potentially emotional. The explication of the emotive semantics in texts based on different typical communicative situations is of special interest. The article attempts to analyze specifics and hardships of implementation of emotive semantics on the level of text from the point of view of communicative-cognitive and lingvopragmatic approach. Certain tendencies of the correlation between communicative situations and emotive frames were revealed due to analysis of speech production of the students studying Russian language as foreign on the advanced stages (shorthand records of the

following types of texts were analyzed: monological statements for specific subject, answers to the questions after reading educational text, conversations regarding artworks in short literary works read by students).

Keywords: emotion, communicative situation, emotive frame, Russian language acquisition.

Аннотация. Процесс обучения иностранному языку, в частности русскому, представлен в восприятии участников этого процесса комплексом различных коммуникативных ситуаций, каждая из которых потенциально эмотивна. С позиций лингвопрагматики экспликация эмотивной семантики в текстах, детерминированных различными типовыми коммуникативными ситуациями, представляет особый интерес. В статье осуществляется попытка проанализировать особенности и трудности реализации эмотивной семантики на уровне текста с точки зрения коммуникативно-когнитивного и лингвопрагматического подхода. Результаты анализа речевой продукции иностранных граждан, обучающихся русскому языку на продвинутом этапе (проанализированы стенограммы текстов следующих типов: монологические высказывания на определенную тему, ответы на вопросы после прочтения учебного текста, беседы о прочитанных художественных произведениях малых литературных форм), дали возможность выявить определенные тенденции соотношения коммуникативных ситуаций и эмотивных фреймов.

Ключевые слова: эмоция, коммуникативная ситуация, эмотивный фрейм, обучение русскому языку как иностранному.

Результат эффективного обучения иностранному языку подразумевает освоение языковой личностью его разноуровневых ресурсов и формирование разнообразных умений – от фонетических навыков, владения морфологической и синтаксической структурой изучаемого языка и освоения определенного объема лексико-семантических средств до стилистической и дискурсивной компетенции. Одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих результативность речевой деятельности, является умение выражать отношение

к тому или иному факту, эксплицировать оценку событий и явлений, положения дел в объективной и субъективной реальности.

В «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком» в качестве важнейших признаков аутентичной речевой ситуации отмечается способность его участников выражать свои идеи и эмоции [14; 2]. Действительно, развитие иноязычной коммуникативной компетенции как «способности человека решать актуальные задачи общения посредством иностранного языка» [18] подразумевает активизацию эмоционального факторов в процессе формирования дискурсивных умений обучающихся [7]. В этом аспекте эмоция может быть «единицей содержания обучения» [9].

Процесс обучения иностранному языку, в частности русскому, представлен в восприятии участников этого процесса комплексом различных коммуникативных ситуаций, каждая из которых потенциально эмотивна. С позиций лингвопрагматики экспликация эмотивной семантики в текстах, вызванных к жизни посредством различных типовых коммуникативных ситуаций, представляет особый интерес.

В соответствии с интерпретационной концепцией сознания, которая ставит своей задачей восстановление эволюции сознания, динамики переживания смысла [6], потенциально эмотиогенна любая коммуникативная ситуация, детерминирующая текстообразование в речевой деятельности субъекта, обучающегося иностранным языкам. Исследовательский интерес к процессу и способам экспликации эмотивной семантики на уровне текста обусловлен тем, что этот феномен ярко высвечивает многие аспекты проблемы «язык и мышление», «язык и сознание», являясь одновременно и конгломератом языковых структур и риторических правил, и манифестацией языковой личности, и средством речевого воздействия [17].

Еще Д.Дидро указывал на огромные трудности, которые сопровождают процесс вербализации эмоций: «...Слов почти никогда не хватает для того, чтобы точно передать то, что чувствуешь» [5]. Психолингвистами отмечены случаи «разряднения» тяжелой коммуникативной обстановки в плане

затрудненного выражения эмоций посредством «бессмысленных» образований, случайных, ненормативных, не входящих в тезаурус какого бы то ни было языка вроде «крек», «трек», «шрек». В.Г. Гак объясняет подобные явления тем, что «при выражении эмоций чисто денотативная функция слов и высказываний теряет свою значимость» [3].

Ж. Годфруа отмечает, что «внутренние переживания субъективны, и единственный способ ознакомиться с ними – спросить у субъекта, что он переживает», хотя и «слова слишком бедны, для того чтобы выразить то, что испытывает субъект» [4]. Эмоции – настолько интимная, скрытая не только от внешнего наблюдения, но и чрезвычайно защищенная от «насильственного» вторжения сознания сфера человеческой психики, что говорить о совершенно адекватном отражении ее в языке можно лишь с определенной долей риска. В этом контексте становится понятной и менее парадоксальной знаменитая строка из «Silentium!» Ф. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Современные исследования в области эмоций в определенной степени доказали истинность столь категоричного высказывания. Так, К. Изард утверждает, что испытываемая эмоция «вызывает связанные с этой эмоцией... мысли и действия, но знание (или рефлексия о своей эмоции) склонно изменять ее переживание» [8]. Вербализация способна сократить поток мыслей или изменить самоотчет о происходящих психических процессах [19].

Семантические сбои возможны на всех этапах вербализации такого многогранного и многозначного явления, как эмоция: и в процессе формирования понятийного аппарата, и в процессе глубинных языковых структур, и в процессе перевода их с уровня внутренней речи на уровень внешней. Помехи могут быть семантическими и структурными, обусловленными как несовершенством, «недостаточностью» языковой системы, так и «недоработками» языковой личности, транслирующей вовне свои эмоциональные интенции и состояния. Кроме того, высока вероятность того, что далеко не все явления психической сферы человека, в том числе и эмоциональные, представлены на уровне языковых референций, что влечет за

собой объективные трудности в процессе вербализации эмоций.

Как нам представляется, основные искажения относятся к сфере выбора наиболее адекватного лексико-морфологического референта эмоции, поскольку говорящий субъект либо не обладает достаточным словарным запасом для выражения своего богатого внутреннего, в том числе эмоционального, содержания, либо испытывает психосемантические затруднения, интуитивно ощущая многозначность, зыбкость значения слова, отсутствие четкой границы между прямым и переносным значением, его метафоричность. Выявление особенностей индивидуальных эмоциональных особенностей личности и выбора релевантных им знаков языковой системы часто проблематично, поскольку субъект речевой деятельности не знает и/или не осознает всего объема значений определенного слова. Как отмечает Т.Возняк, эта «неосознанность», «нераскрытость», «недекларированность» может касаться целого народа, который этим словом пользуется: «Мы еще не осознали, по крайней мере не декларировали и вряд ли когда-нибудь это сделаем, всех, хотя бы формальных возможностей языка, в котором живем. Он был остается для нас загадкой» [1].

Выбор способов категоризации действительности, которая потенциально эмоциогенна и отражена в языке и в индивидуальной речи, с большой долей вероятности обусловлен «мотивационной организацией личности» [16]. Как следствие, трудности в выборе способов экспликации эмотивной семантики детерминированы рамками и структурой конкретных эмотивных ситуаций, в которых проявляются субъективно значимые мотивы и причины как эмоций, так и способов их выражения. В процессе рационализации эмоционального опыта к «речевой жизни» вызываются не только эмотивные средства языка и речи, непосредственно выражающие эмоции (как известно, выражение эмоций посредством аффективов, например «Ура!», затрудняет определение конкретного семантического наполнения высказывания в плане выявления качества конкретной эмоции и приводит к трудностям декодирования смысла высказывания), но и описывающие и называющие, обозначающие

эмоциональные состояния. Именно рационализация и осознание особенностей эмоциональных феноменов могут создать наиболее качественную, достоверную базу для выявления способов категоризации эмоционально окрашенной действительности языковой личностью в связи с ее психологическими интенциями и коммуникативными ситуациями, в которых она вынуждена осуществлять речевую деятельность, привлекая языковые средства различных уровней.

Ю.С. Степанов отмечает, что понимание синтаксиса, основанное на традиционном подходе к языку как к системе форм и на новом подходе как к «языку в действии», «языку в ситуации общения», влечет за собой разграничение «синтаксиса высказывания как результата речевого акта» и «синтаксиса акта высказывания» [15]. Синтаксис акта высказывания по традиции разделяется на «семантический синтаксис» и «смысловой синтаксис», причем первый относят к глубинным процессам происхождения высказывания, а второй – к процессам перевода высказывания с внутреннего на внешний уровень. Однако столь категоричное разграничение семантического и смыслового синтаксиса представляется несколько искусственным, если учитывать тесную взаимосвязь вышеуказанных уровней единого речемыслительного акта.

Так, обнаружение знаков в процессе субъективации, т.е. выделения характерных черт какого-либо феномена действительности, сопровождается на следующем уровне – объективации – производством языковых и речевых знаков, понимание которых возможно только посредством моделирования структурирующих эти знаки ситуаций. Прагматический компонент значения, выступая обязательным звеном в организации семантической структуры высказывания, непременно сопрягается с воздействующим событием, обозначаемой коммуникативной ситуацией и посредством нее отображает позицию говорящего. Бесспорно, ситуативность – это важнейшее свойство речи вообще, «широко присутствующее во всех актах коммуникации» [13].

В модели порождения разговорной речи отражаются все существенные

характеристики акта коммуникации: предмет общения, статусно-ролевые отношения говорящих, форма общения, непосредственность или опосредованность общения, спонтанность или подготовленность высказывания, степень официальности, диктальный или модальный характер коммуникации [12]. Особое место в этом ряду исследователи отводят ценностному отношению к объекту высказывания и эмоциональному состоянию коммуникантов. А.Н. Леонтьев выделяет три основополагающих фактора, организующих конкретный коммуникативный акт: во-первых, более или менее осознанное целеполагание, во-вторых, произвольный или предписываемый выбор формы коммуникации, в-третьих, собственно функционально-стилистический аспект [10]. Влияние данных факторов на формирование конкретного высказывания обусловлено конкретными же коммуникативными ситуациями, которые могут быть типизированы, сгруппированы по определенным признакам. В этом отношении значимыми компонентами коммуникации наряду с ее предметом и экстралингвистическими обстоятельствами, в которых она осуществляется, являются социопсихолингвистические характеристики участников конкретной формы коммуникации. Таким образом, одна и та же ситуация может подвергнуться различному структурированию и ментальному опосредованию, «интерпретироваться разными способами с преимущественным освещением одной из ее сторон в зависимости от коммуникативного намерения говорящего или пишущего» [11].

Эмотивная коммуникативная ситуация обычно разворачивается в рамках типовой ситуации «субъект + описание его эмоционального состояния» или «субъект + объект (т.е. предмет обсуждения) + номинация эмоции, которую он вызывает у субъекта» и т. п. Таким образом, под «типовой ситуацией» понимается событие, определенным образом структурированное и составляющее денотат предложения. Эмотивная коммуникативная ситуация может быть адекватно интерпретирована коммуникантами только при наличии определенного сценария, фрейма. В теории Ч. Филлмора выделяются фреймы,

обусловленные особенностями когнитивного развития субъекта речевой деятельности, социальной и языковой нормой. Необходимость выделения понятий «эмотивный фрейм» продиктована психологическими «Я-концепциями», подчеркивающими важность изучения «чувственного содержания» коммуникативной ситуации для понимания поведения индивида как субъекта речевой деятельности [21]. Аффективно-когнитивная ориентация сознающего субъекта подразумевает обязательную связь эмоции с определенными мыслями, образами и словами, выбор которых в рамках данной связи обусловлен внешними: этическими, эстетическими, социокультурными – и внутренними: индивидуальными психологическими интенциями индивида, особенностями его миропонимания, мировоззрения – условиями, формирующими эмотивную коммуникативную ситуацию. Рассмотрение ситуативной обусловленности эмоций, их фреймовой организации мотивируется и определением эмоции в соответствующих когнитивных теориях как «физиологического возбуждения плюс знания, состоящего в основном из оценки ситуации» [20]. Эмотивный фрейм не только способствует соотнесению эмоционального переживания с отдельными общепонятными, стандартизированными семантическими универсалиями языкового сознания, но и переводу этих «неопознанных» психологических субстанций в отдельные категории эмоциональных состояний.

По структуре, количеству составляющих и специфике отражаемой коммуникативной ситуации эмотивный фрейм может быть представлен несколькими модификациями: фрейм выражения эмоции, фрейм описания эмоции или эмоционального состояния, фрейм названия эмоции. Таким образом, посредством актуализации эмотивного фрейма может быть описано эмоциональное отношение (Ср.: *Я люблю осень*), выражена эмоциональная оценка (Ср.: *Это замечательно!*), дана эмоциональная характеристика (Ср.: *Ух, какая красивая девушка!*), представлена эмоциональная экзистенция-номинация положения дел в действительности (Ср.: *Страх... Везде только страх...*).

Результаты анализа речевой продукции иностранных граждан,

обучающихся русскому языку на продвинутом этапе (проанализированы стенограммы текстов следующих типов: монологические высказывания на определенную тему, ответы на вопросы после прочтения учебного текста, беседы о прочитанных художественных произведениях малых литературных форм), дают возможность выявить следующие тенденции. В одной и той же типовой эмотивной ситуации возможно привлечение различных фреймов, и, наоборот, фреймы различных типов «обслуживают» широкий спектр эмотивных коммуникативных ситуаций, однако отмечено тяготение определенных фреймов к их реализации в определенных коммуникативных ситуациях. Так, фреймы выражения и названия эмоций или эмоциональных состояний реализуются в коммуникативных ситуациях диалогового характера, подразумевающих непосредственное, неотсроченное предъявление коммуниканту эмотивной семантики оценки, отношения или впечатления. Фреймы описания эмоций тяготеют к коммуникативным ситуациям, в которых актуализируются самооценка или оценка, характеристика других людей или действующих героев художественных произведений и соответственно – к монологической организации речевого потока.

References

1. Возняк Т. Семантическое пространство языка. Тексты и переводы. – Харьков: Фолио, 1998. – С. 5–18.
2. Голубева А.В. Аутентичные речевые ситуации как основа коммуникативного преподавания РКИ // Мир русского слова. Вып. № 4, 2015. – С. 94–100.
3. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ, № 3, 1993. – С. 88.
4. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 1. – М.: Мир, 1992. – С. 216.
5. Дидро Д. Сочинения. В 2-х т. – Мысль, 1986. – С. 386.
6. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. Т.1. – М.: 1986. – С. 85.
7. Евстигнеева И. А. Методика развития дискурсивных умений студентов на основе современных информационных и коммуникационных технологий: английский язык, языковой вуз. Дисс.канд.пед.наук. – Тамбов, 2013. – 233 с.

8. Изард К. Эмоции человека. – М.: Наука, 1980. – С. 163.
9. Коврижкина Д.Г. Принципы обучения иностранных студентов выражению эмоций средствами русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Вып. № 4 (30) 2014. – С.241.
10. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. – М., 1983. – С. 34–48.
11. Макович Г.В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке. – Челябинск, 1995. – С. 96.
12. Маркосян Л.Е. Универсальные семантические признаки и предикаты состояния // Текст и культура: Общие и частные проблемы. – М.: Изд-во АН СССР, 1984. – С. 223.
13. Мусиенко В.П. Введение в психолингвистику. Учебное пособие. – Киев, 1996. – С. 26.
14. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Страсбург, 2003.
15. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М.: Наука, 1985. –335 с.
16. Сусов И.П. Семантическая структура предложения: Автореф. дисс. докт. филол. наук. – Л., 1973. – С.28.
17. Теоретические и прикладные исследования в области структурной и прикладной лингвистики / Под ред. В.А. Звегинцева. –М.: Наука, 1973. 303 с.
18. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теории и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.
19. Pinker St. The language instinct. How mind creates language. N.Y., 1994. P. 68.
20. Schwarz M. Einfuhrung in die Kognitive Linguistik. – Tubingen, 1992. – P. 37.
21. Solomon R. The passions. – New York: Anchor Books, 1977. – P. 204.

**Pleskanyuk T.N. Language means of the expression of the text
category connectivity**

Языковые средства выражения текстовой категории связности

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna

Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Плесканиук Татьяна Николаевна

Нижегородский институт управления РАНХиГС

Abstract. The text category is one of the interrelated essential features of the text, which is a reflection of a certain part of the wholetext meaning of different linguistic, speech and the actual text (composite) means.

Key words: text, integrity, communicative coherence, semantic coherence, structural coherence, derivational connectivity

Аннотация. Текстовая категория является одним из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композиционными) средствами.

Ключевые слова: текст, целостность, коммуникативная связность, семантическая связность, структурная связность, словообразовательная связность

Nowadays it is clear that the construction of a linguistic theory of text is impossible without studying coherences of the sentences in the text as a whole. These coherences of language units in the text explain the difference of simple apposition of sentences from a cohesive text. Text coherences are special communication types,

providing a continuum, so a logical sequence (temporal, spatial; interdependence of individual messages, facts, actions) [2].

Despite repeated appeals to linguistic science for such categories as text coherence and integrity, interest in the study of this problem in different languages is unabated, and the question of establishing communication between statements in the text is one of the important directions of functional linguistics.

Among researchers there is no consensus on the definition of the nature of text categories and units, in the approach to their classification. However, in matters relating to dividing those categories into structural and substantive point of view most researchers (T. N. Nikolaev, I. R. Galperin, O. L. Kamenskaya, etc.) are the same. A comprehensive study of the plan contents and plan of the expression categories of the text can be traced in works of such linguists as T. A. Bochkarev, N. D. Zarubina N. In. Malycheva Z. Y. Turaeva, etc. Category of the text describes mainly relying on super-phrasal unity, complex syntactic whole, considered as a unit of language.

Text category is one of the interrelated essential features of the text, which is a reflection of a certain part assetexchange the meaning of different linguistic, speech and the actual text (composite) means. Category of the text reflects its "most General and essential features and represent a step in the knowledge of its ontological, epistemological, and structural characteristics" [10]. Description text categories and their interaction aims to ensure that, each describing a relation between the elements of the system separately, to obtain generalized characteristics of the entire system, ie the text as a whole by connecting knowledge about these elements [6]. In our opinion, the most convincing definition of text categories is the definition T. V. Romanova, which is under the category of the text means "the totality of linguistic resources for the expression of certain invariant semantic and functional values, korreliruyushchie relations of objective reality (or denotative situation)" [9].

It is generally accepted that the underlying category of the text is coherence, which involves communication, combining text items into one, affecting different aspects of the organization of the speech works. In a range of subjects related to the characteristics of the text, suggesting a comprehensive coverage of this phenomenon,

the issue of connectivity is one of the main. This is due to the fact that the text as object of linguistic study is primarily as informational and structural unity, functional speech as a completed whole. It is this quality of the text currently identifies a fairly clear pattern of text formation.

Connectivity, which is the main structural feature of the text reflects substantive and structural nature of the text. The researchers, in particular, distinguish between local connectivity and global connectivity. Local connectivity is the connectivity of the linear sequence of statements, (Miranovich unity). Global connectivity is what provides the unity of the text as a semantic whole, its intrinsic wholeness.

Local connectivity is defined by syntactic relations (introductory-modal and pronominal words, species-temporal forms of verbs, lexical repetition, word order, conjunctions, etc.).

Global connectivity (it leads to the substantial integrity of the text) manifests itself through keywords, thematically and conceptually unifying the text as a whole or its fragments.

A binding element of the text on the level of content is the author's evaluation and interpretation of displayed objects, the relationship of the author's intention and composition, the author's position. It is connected with the text's aim and its implementation in the style and forms of representation in the text authorship. The author's modality holds all the elements of the content of the text. For artistic text is "the image of the author" (in the terminology of V.V. Vinogradov), for non-fiction text is the author's concept, point of view—there is no semantic unity of the text, its integrity. Organization of speech means to transfer the content from the perspective, reflecting the author's position, and determines the integrity of the text.

The phenomenon of connectivity is not only semantic. The flow of the text is manifested through external structural indicators, using the formal dependence of text component. It "manifests itself both in the form of structural, semantic and communicative integrity, which are related as form, content and function" [3]

To indicate the connectivity of the text in the linguistic literature uses also the terms cohesion and coherence. Under the cohesion usually understand the relationship of parts within a whole, including linguistic units within the utterance text. While cohesion is understood as a kind of communication between elements of the text, whereas coherence is a property of connectedness of the text as a whole. Under coherence refers to "the semantic connection of sentences, while the indicators of structural connectivity in the text may not always manifest itself" [4].

The concept of coherence as a global connectivity should be contrasted with the notion of cohesion (from lat. *cohaesi* – "to be coherent) as the local connectivity. Local connectivity is the connectivity of the linear sequence of statements, inter phrases), which is defined inter phrase syntactic connections and is carried out using a number of communication elements at the level of microstructures under which there are "elements, performing semantic relationship between two or more neighbouring sentences" [11]. So, the category of local cohesion of the text can be expressed using the repetition of elements of the text object with the same references, but different forms of the lexical realization (of substitution), the verbatim repetition of one element mentioned in the subsequent text (of recurrence), deictic elements, conjunction, elliptical structures and syntactical parallelism.

In the broadest sense, cohesion is a semantic category, "she refers to the ratio of values present in the text and defining the text... Cohesion is a set of communications values that are common to all types of text, that distinguishes text from non-text," and relates, connects the individual values of the text to each other" [11]. I.R. Galperin defined cohesion as "special types of communication that provides a continuum, i.e. a logical sequence (temporal and/or spatial) interdependence of individual messages, facts, actions, etc." [2].

In a more narrow understanding of cohesion has only local connectivity, coherence, linear type, formally expressed, predominantly linguistic means. It is based on the pronominal substitution, lexical repetition, the presence of unions, correlation of grammatical forms etc. One of the main functions of cohesion in the

text is the sequencing of various linguistic signs, their meanings and forms; cohesion binds this sequence in one single unit.

The concepts of cohesion and coherence belong to the basic concepts of the theory text. They are considered to be determinative, construction characteristics of the text, a necessary condition for textuality. However, the approach to these concepts, their definition and application of different concepts differ. In some studies, these concepts are used as synonyms, in others they are characterized by differential features. Speaking of the relationship between cohesion and coherence in the structure of the text, the Czech researcher L. Voboril notes that the concept of coherence for the most part applies to the content (thematic) side of the text, is a global organization of text content, for which a special meaning has the communicative situation and knowledge of the sender and the receiver of the text. Cohesion, on the contrary, is a global organization of the expression of the text, it is "apparent" grip of text units by means of individual language levels. Cohesion is secondary to the coherence, as the latter may not formally be shown "on the surface" [1]. Another researcher, F. Danesh, the opinion which refers to L. Voboril, recommends the use of the term cohesion in connection with the means of expression, and coherence in relation to a wide range of semantic relations. According to O.I. Moskalskaya, the coherence of the text is the result of the interaction of semantic, syntactic and stylistic types of cohesion [3]. Thus, the category of connectivity as one of the main features of the text manifests itself on the level of coherence and cohesion, so that all text components are directly or indirectly interrelated and structured in a single unit.

The semantic level of connectedness of the text is expressed, above all, the unity of its theme (the relationship of sign to object to references). Under the theme of we understand the semantic core, "generalized concentrate" all the text [5]. In the linguistic literature this concept is often called hyperthemia. Hypertheme consists of sub-topics, but does not represent their sum. Development hypertheme gives the deployment and side topics, often acting as a detail, a specification of the main theme.

The content of the theme consists of a set of semantic signs of repeated words in relation to additionality. So, in the fragment of the text by I.S. Turgenev: *Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром; она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман,* – respect of additionality associated topic text: *fine July day* and the means of its development: *early clear morning; the dawn spreads a gentle glow; the sun – not fiery shafts, not hot, not dull purple, but bright and radiant*. Detailed topics along with the syntactic means of the language (contrasting definitions of the phrase) is transmitted and derivational units *morning, morning (dawn), dull crimson, warmly beaming*. In this sense, the theme makes sense, components which aktualisierte throughout the entire text or its fragment. Detailing and specification of the topic often that is fixed by the syntactic means. Syntax alarm typically is updating locally relevant information.

One of the ways of expressing the themes are strong change of subject, that is, the transition from one theme to another. Markers change of subject there may be linguistic means denoting the change in events, conditions, change of time, place, entry of new participants in the situation, the secondary input is already known to participants in the situation, change the perspective of presentation, perspective, etc. When such units can be expressed using connectors – adverbs, particles, compound prepositions.

For example, in the fragment of the text: *...на солнце все оживает: и трава, и лес, и человеки тоже...Да-а, я вон деранул из хазы одной, совсем доходил на вокзалишках. Дуба дал бы, да попал в один поезд. Он повез меня, повез и в Крым привез. А там солнца-а! Народу-у! С ходу два скачка сделал. Нашамался – во!...Лафа!* (V. Astafyev) – linguistic means denoting the change theme "on the sun comes to life" are the verb *доходил*, and the idiom *дуба дал бы*,

adverbial sentence *Лафа! (Поезд) повез, повез и в Крым привез* – repeat monobasic verbs and connectors – proper name – transmit the change of the place of stay of the character. In creating the speech characteristics of the hero the author uses and the derivational means *вокзалишки, нашамался*. [8]

The main theme, or hypertheme, usually formulated in the form of semantic input. The context usually indicates the anticipated conclusions. The study took into account that since the use of language involves making various speaker knowledge, beliefs, in the process of interpretation of the theme can be made different conclusions. To limit such personal variations are used in speaking of special tools. First of all, this explicit expression of the theme of the text, which can be at the beginning, the end or at the beginning and end of the episodes and paragraphs.

Thematic expressions can have a different length from the sequence of sentences to individual sentences, phrases or words. Location of thematic expressions depends on their semantic functions. At the beginning of the text fragment they help the reader to form a hypothesis concerning the text or theme of the episode, so that subsequent proposals were interpreted in relation to this topic. At the end of the paragraph thematic expressions to check, recall and correction of already derived by the reader of the topic.

Thematic progression as a manifestation of the textual structure, is a set of key words that represent the underlying structure of the text. The reference (designation of the subject of speech) is the condition for the existence., which is understood as referential identity with which noun phrases relate to the same extralinguistic object or phenomenon of reality. The ways of coreference are very different.

Relative to one object coreference:

Портрет в овальной золоченой раме. Очень молодая женщина в черном глухом платье, с чудесными волосами красноватого каштана. На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовешь словом. (Shmelev)

Set of objects coreference:

*Птицы у нас везде. В передней **чижик**, в спальне канарейки, в проходной комнате **скворчик**, в спальне отца канарейка и черный **дроздик**, в зале два соловья, в кабинете **жавороночек**, и даже в кухне у Марьюшки живет на покое, весь лысый, **чижик**, который пищит – «чулки – чулки – паголенки», когда застучат посудой. В чулане у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с птичками и зажигать лампадки, когда он дома. (Shmelev)*

Distinguishing coreference relatively separate phenomena:

*Перед **обработкой** грибы **очищают** от мусора, **отрезают** ножки, **вырезают** места, **поврежденные** червями. При обрезке лучше пользоваться ножами из **нержавеющей** стали, так как от обычных ножей мякоть чернеет. Наиболее распространенными способами переработки и хранения грибов являются сушка, засолка, **маринование**, **изготовление** порошков и экстрактов. (Shmelev)*

Coreference enable distinguishing between specific objects, phenomena:

*Да ведь и **работать-то** приходилось между **делом**, в **неурочное**, может быть, **время**, после **боронования** и **сеяния**, **покоса** и **жнитва**, **возки** снопов и **молотбы**, **пахоты** и **копания** картошки. (Shmelev)*

Unifying coreference:

*В **базарной**, если так можно выразиться, **натуре** сплелись самые разнообразные аспекты и свойства.*

*Есть в ней и вполне понятная заинтересованность **земледельца** во взаимном обмене, есть и жажда прохвоста из чисто спортивного интереса любым путем **объегорить** кого-нибудь, и не важно кого. Имеется добротная совесть **оседлого** частника и **циничное** **нахальство** кочующего **проходимца**, нередко **представляющего** целую **торгово-самодельную** фирму. **Старческое** **скопидомство** одинокого пенсионера и **бесшабашие** равнодушного к торговле юноши. **Мудрая** бережливость **много семейной** хозяйки и **скупость** глупой женщины, которая из **ложно** понимаемой **экономии** покупает **завалищий** товар. Все тут есть, в этой **натуре**. (V. Belov)*

According to the method of thematic organization of different texts with a simple theme (the linear development of the theme); with extended theme (option topic); divided by subject (development of the main theme interrupted by side issues).

An example of a linear development of the topic is the following text:

Я путешествовал недурно: русский край оригинальности имеет отпечаток; не то чтоб в деревнях трактиры были – рай, не то чтоб в городах писцы не брали взятки – природа нравится громадностью своей. Такой громадности не встретите нигде вы: пространство широко раскинутых степей лугами здесь зовут; начнутся ли посева – не ждите им конца! Подобно островам, зеленые леса и серые селенья пестрят равнину их, и любо видеть вам картину сельского движенья... Подобно муравью, трудолюбив мужик: ни грубости их рук, ни лицам загорелых я больше не дивлюсь: я видеть их привык в работах полевых чуть не по суткам целым, не только мужики здесь преданы труду, но даже дети их, беременные бабы – все терпят общую, по их словам «страду». И грустно видеть, как иные бледны и слабы! Я думаю, земель избыток и лесов способствует к труду всегдашней их охоте, но должно б вразумлять корыстных мужиков, что изнурительно излишество в работе.
(N.Nekrasov)

The theme of "Russian land" in the perception of the graph Garinskogo receives consistent "rollout" of its originality as of the vastness of nature: steppes, forests; rural movements; the harvest; the diligence of man and of the excess land. The Text by N. Sladkov is a model deployed (modified) theme. Referent of the text "the Nightingale" is evaluated from the point of view of different actors of the situation:

Соловей поет, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловьяха думает: «Раз поет – значит место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поет, шельмец! Пора западню готовить!»

Прохожий думает: «Вот и еще одна зима позади...»

А соловей поет и поет.

А все вокруг думают, думают...

Derivatives of words of the text, on the one hand, are units with a specific lexical value ("name the birds" – neighbor - Nightingale; "the name of the female of this bird" – Solov'ikha; "the name of the person engaged in the catching of birds – a birder and "thinking persons"). On the other hand, this structure, which also has the derivational meaning: a neighbor-the Nightingale (application, indicating the individual is male) is Solov'ikha (individual female) – indicators of this meaning is the particle; the birder is a complex word that means a person who catches birds, a passerby (the substantive model). Accordingly, the language data structure when the text is carried out in two ways: through concrete lexical meaning of the word and generalized word-formation values.

So, linguistic means, including word-formation, building a text may indicate the referent of the text in different ways. The theme is manifested on the level of sameness (isotope) (*весеннее – новое – обновление природы*); two or more chains in different semen Textima the same text are linked through semantic equivalence (*базарная натура – циничное нахальство*), repeatability (*от-резают, вырезают*) and/or connection between textimage (*старческое скопидомство, бесшабашие юноши, скупость глупой женщины*). The theme can contain the familiar, the previously mentioned information, can be a carrier of the least communicative dynamics and may represent the logical subject of the sentence or be part of the deep structure of the text.

Semantic coherence is based on semantic reference and of coreference language units constituting the text, and the corresponding syntax (order of words, order of sentences), lexical (word choice), the means of its expression [7]. Communicative connectedness is embodied in the organization of textual perspective from the point of view of the importance, the relevance of the expressed information. The text is usually something portrayed or believed in a certain relevant context acts as the subject matter of the question reported, therefore, vary what is said (topic) and

what is told about it (Rema). Theme-tematicheskoe partitioning statements, or the actual partitioning of the proposal, largely based on the theory of blagovremeno the psychology and linguistics of the second half of the nineteenth century, representatives of which are A. Weill, G. Paul, W. Wundt, G. Steinthal. Further development of this theory received in the works of Czech linguists Mathesius V., E. Benes, F. Danesh. In domestic science the structure of the theme-tematicheskikh chains investigated in detail by scientists V. Admoni, O. I. Moskalskaya, I. P. Raspopov.

Theme-tematicheskoe division is characterized by the following signs:

- Theme and Remus – the components of actual division of sentences, statements. The theme is the starting point of the message, Remus – what is stated or asked about the original point of the message. The theme to a greater extent than Remus, "holds" the text. Remus has the highest degree of communicative dynamism.

- Deployability of the part of the preceding sentence in the following is mainly a name having a denotation. However, the completeness of the information creates a dynamic and description of theme and rheme.

- The main means of expression topic-tematicheskogo divisions are periphrase, recurrence, nomination, pause, word order, syntactic parallelism, etc. The text represents a linear chain of sentences. For the communicative organization of the text is characterized by a relative completeness to the communication components. Each suggestion is a component of the text has a topic and bumps and forms a new step in the development of the communicative progression of the text.

The level of structural cohesion of the text is the external expression of its semantic and communicative integrity. Structural connectivity advocates in a variety of varieties, which are allocated on different grounds. The structural relationship can be explicit and implicit. Explicit communication is communication, communication signals marked with (unions, introductory words and combinations; a smooth transition from topic to rømø, etc.). Implicit communication is detected by the juxtaposition of speech units, their semantic and positional ratio (without special verbal communication signals). For example: *Стало душно. И*

поэтому мы вышли на улицу (the connection explicit – expressed by the Union and the pronominal adverb). –*Стало душно. Мы вышли на улицу* (cause-and-effect relationship only logical-intonational means).

Structural connection may be left or right hand, depending on the location of the communication signals in the components of the text:

1) *Юность – это своего рода дар не уставать, не знать скуки, все воспринимать с воодушевлением. Но дар этот, если его понимать как естественный интерес к жизни, можно с годами и утратить, а можно и умножить* (the left-hand signals when – *но дар этот, его*);

2) *Есть еще одна причина, почему я не вправе молчать. Количество публикаций, в том числе зарубежных, росло. Моя рукопись устаревала, не сходя с письменного стола. И я понял: от меня ждут не информации, а жизнеописания. Тогда я бросился в другую крайность. Начал писать биографический очерк* (the combination *есть еще одна причина* is the right side of the link; the combination *есть еще одна причина* focuses on the subsequent explanation of the right – hand link).

Thus, a left – hand relationship is a reference in the text to the previously mentioned (anaphora); right communication – is an indication of follow-up (cataphora).

The level of structural cohesion of the text finds its expression in the functioning of in text language means the formation of textual coherence. These tools include units and categories the following levels of the language system: a) syntactic; b) morphological, c) lexical; g) derivation.

According to the principle of semantic weight means of connected text units are divided into autosemantic (with independent nominative meaning) and synsemantic (non-independent nominative value). Synsemantic means of communication in this study will not be considered. Vary specialized and non-specialized (secondary) means of communication: morphological and nonmorphological means of communication.

By position of the same funds relations in the utterance – spanning units of language are called anaphoric or kataphoric.

On realization of the communicative perspective different prospective, retrospective and bidirectional means of communication. The most important condition for a binder the function of linguistic units is also semantic collocations. In this case, the connectivity is ensured by the repeatability of the words themselves, the semantic components of the words, sentences, interdependent of each other. The language sequence is considered semantically related, "if the word values syntactically related words, sentences there are recurring semantic components" [7].

Semantic (semantic) equivalence of words, sentences in the text is realized in different modifications of lexical and semantic repetition, which, according to many scientists, predicts the semantic closeness of the sentences. Lexico-semantic repetition in science is considered to be the main mechanism of connectivity. In this aspect addresses the relationships of synonymy, antonymy, generic-specific and some kinds of associative relations.

A special kind of a repeating sequence of semantic components of words in the composition of statements, the text is the isotopy. Under the isotopy usually understand a special kind semnai combinatorics, namely a sequence of recurrent semantic components in the composition of the utterance or text [4]. For example, the token "sun", "Shine" form a minimal isotopy "light". Minimum isotopy is a sequence of two simem ("glowing star" and "radiate heat") is identical with the semantic characteristic "fire." The equivalence relation between different semes is installed, thus, on the basis of relations of proximity or identity between separate their semame. Minimal context that allows you to set the isotopy, is a syntagm. To describe isotopic ratios we adopt the typology proposed by F. Restle [13].

The form and means of communication are divided into heterogeneous groups. They can be words (verbs, nouns, conjunctions, prepositions), complex words (complex conjunctions, adverbs), phrases (formulaic sayings, idioms), syntactic means (word order), supersegmental means (intonation, emphasis).

All the above allows to raise the question of the allocation of derivation of connectivity as in the system of language means of expression of connectivity.

References

1. Воборжил Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского договора. Электронный ресурс. / Л. Воборжил (<http://www.rusistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>). 1998. –10 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
3. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 117 с.
4. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014.
5. Плесканюк Т.Н. Особенности семантики и прагматики производного слова. Филологический аспект. 2016. № 1. С. 31-34.
6. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikuraeo.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009г.pdf (0,3 п.л.).
7. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная связность текста как объект лингвистического исследования // Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 33-42.
8. Плесканюк Т.Н. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения // Мир языков: ракурс и перспектива: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 62-81.

9. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Т.В. Романова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986.
11. Холлидей М.А.К. Когезия в английском языке: Пер. с англ. / М.А.К. Холлидей – М.: Прогресс, 1976.
12. Dijk, T.A. van. Text and Context / T.A. Dijk. – London – New York, 1977. – 287 p.
13. Rastier, F., Sémantique interprétative / F. Rastier, –Paris: Presse universitaire de France, 1996. – 277 p.

UDC 81'11

Ryzhikova M.D., Miloserdova E.A. Gender peculiarities of communication (on the data of English electronic book reviews)

**Гендерные особенности формирования коммуникации
(на примере англоязычных электронных рецензий на книги)**

Ryzhikova Marina Dmitriyevna

marinaryzhikova@yandex.ru

Miloserdova Ekaterina Aleksandrovnaevna

miloserdovak93@mail.ru

V. I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol

Рыжикова Марина Дмитриевна

Милосердова Екатерина Александровна

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г.

Симферополь

Abstract. The article provides a comparison of linguistic means used by men and women in book reviews placed in the Internet. The author investigates customer reviews viewed as a genre of Internet communication. The analysis of language techniques is conducted with the help of discourse analysis and pragmatic interpretation. The research proves that men are likely to use a variety of syntactical structures while women's speech is more expressive having different rhetoric devices.

Key words: discourse, electronic (Internet) book review, gender, sociolinguistic factors, communication.

Аннотация. В статье сравниваются виды лингвистических средств, которые используют мужчины и женщины в рецензиях на книги, размещенные в сети Интернет. Исследуются читательские электронные рецензии, которые рассматриваются как жанр Интернет-коммуникации. Анализ лингвистических приемов проводится с помощью дискурсивного метода и приема прагматической интерпретации. Исследование показало, что мужчинам свойственно использование разнообразных синтаксических структур, в то время как речь женщин более эмоциональна и насыщена риторическими выразительными средствами.

Ключевые слова: дискурс, электронные (Интернет) рецензии на книги, гендер, социолингвистические факторы, коммуникация.

Актуальность социолингвистического подхода в современных языковых разработках обусловлена интересом лингвистов к изучению факторов формирования успешной коммуникации [8]. Достижению коммуникативной цели способствует выбор средств языка с учетом профессиональных, возрастных, культурных, гендерных и других особенностей реципиента [7]. Такие черты также важны и в общении в сети Интернет, которое стало неотъемлемой частью жизни практически любого человека. Например, прежде, чем совершить ту или иную покупку, многие знакомятся с отзывами,

оставленными пользователями на конкретном сайте. Такой жанр становится одним из способов манипуляции потенциальным покупателем при выборе определенного продукта. Следовательно, коммуникативные средства в социолингвистическом аспекте могут стать показателем эффективности подобной речевой деятельности, т.е. выступить рекомендацией или побуждением к прочтению/ покупке книги.

Жанр рецензии является предметом многочисленных лингвистических и неязыковых исследований. Так, на примере немецкого языка такой вид речевой деятельности (в частности, аннотация к фильмам) рассматривался в текстовом подходе [1]. Немецкие отзывы на социальный роман анализировались с точки зрения композиции [3]. Кроме того, рецензия изучалась как жанр публицистики [4], журналистики [5] и научного дискурса [2]. Англоязычный отзыв исследовался в семантико-прагматическом аспекте [6], а также как жанр лаудативного дискурса [7].

В настоящей работе электронная рецензия понимается как отзыв на книгу и представляется как вид Интернет-коммуникации. Анализируемый материал относится к сфере непрофессионального, неофициального общения, поскольку говорящим выступает человек, прочитавший то или иное произведение и оставивший комментарий в свободной форме в соответствующем разделе сайта, посвященным книгам.

Целью исследования является выявление особенностей выбора лингвистических средств мужчинами и женщинами в комментариях, отражающих их впечатления от прочтения произведения. **Материалом** для анализа стали рецензии на серию книг «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, размещенные на сайте www.amazon.com и отобранные методом сплошной выборки. Для достижения цели использовались методы дискурс-анализа и прагматической интерпретации.

Анализ практического материала показал следующие результаты.

В исследованных отзывах мужчины очень точны в своих характеристиках, о чем говорит достаточно большой объем комментариев. Они

описывают не только качество книги, но и эмоции от ее прочтения или свое отношение к сюжету.

Речь мужчин отмечена рядом выразительных средств синтаксического уровня.

Так, они используют сложные предложения с придаточными условия, времени и причины. Было также выявлено употребление параллельных конструкций, например: «*If you are a Narnia fan and, like me, prefer to have collections of related books in a single ebook to reduce the clutter on your Kindle, I recommend this edition--so long as you don't mind that not all of the illustrations are included. If you're an older reader like me and just want a nice, convenient way to re-read the Chronicles of Narnia, this should meet that need quite nicely*». В данном случае речь идет о выборе определенного издания «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса. С помощью указанного лингвистического приема говорящий определяет круг потенциальных читателей, которым подошел бы такой формат. Кроме того, автор сравнивает адресата с собственной личностью, что является средством выражения субъективной оценки, а не категорическим суждением. В этой же рецензии адресант делает большой акцент на наличии иллюстраций в книге – для него этот фактор является приоритетным. Такой факт, вероятно, может показаться странным: ведь автором выступает взрослый мужчина и книгу он выбирает для себя, а не для ребенка – обычно такой элемент предпочтителен для детского круга читателей. Такое утверждение присутствует даже в самом тексте отзыва – «*illustrations ... were omitted in this edition, which is aimed at older readers, according to the publisher*», однако со ссылкой на мнение издателя, что свидетельствует о несовпадении с представлением говорящего. Так, подчеркивая необходимость сопровождения текста романа картинками, данное слово повторяется в каждом предложении, что привлекает внимание реципиента: «*Based on the publisher's description of this box set, I was afraid there wouldn't be any illustrations at all. I was pleased to discover that the publisher included one illustration at the beginning of each chapter in each book. The other in-line illustrations found throughout the text of the individual ebooks were omitted in*

this edition, which is aimed at older readers, according to the publisher. I was glad that at least some of the illustrations were included in this edition. However, since I would have preferred that this edition include all of the same illustrations as the seven separate ebooks, I have taken away one star». Кроме того, здесь приводится сравнение с другими изданиями (с помощью причастного оборота), а также указывается радость и удовлетворение от наличия небольшого количества картинок.

В рецензиях, написанных мужчинами, изредка встречаются графические средства, в частности капитализация, которая служит выражению самой яркой эмоции от использования (прочтении) книги, например: «*This is a FANTASTIC production*».

Для того, чтобы как можно точнее описать преимущества издания, используются перечисление (например, «*They are fun, entertaining, exciting, sad, everything*») и отрицательные конструкции (например, «*They aren't large and obtrusive - they don't overwhelm the text*»). При этом подчеркивается наличие разнообразных событий, которые могут вызывать разные эмоции – от грусти до волнения, а также неперегруженность текста изобразительными элементами.

Кроме того, мужчины будто пытаются вступить в диалог с потенциальным читателем, что проявляется в употреблении риторических вопросов, на которые автор тут же может дать ответ, например: «*Are these books for children or adults? Lewis originally wrote them for kids, but I'm an adult and I read them regularly!*». Следует отметить, что для мужской аудитории важным является, какой возрастной категории адресовано произведение. В указанном выше примере адресант выражает восторг от прочтения данной серии книг (с помощью противопоставления и восклицательных предложений), хотя считается, что «Хроники Нарнии» первоначально написаны автором для детей.

Анализ показал, что речь мужчин не является эмоциональной. Они выражают свои впечатления либо сравнительными конструкциями, среди которых преобладает сравнительная степень имен прилагательных (например, «*This edition is one of the best I've found*»), либо через описание (разными

синтаксическими средствами, упомянутыми выше). Также мужчины подчеркивают, если издание каким-то образом превзошло их ожидания (например, с помощью сравнений с прошлым опытом: «*I was taken by surprise when I first read this edition - the books are in a different order than I was used to. I'd previously read them in order of authorship, while this edition places them in chronological order»).*

Речь женщин несколько отличается от мужской. Так, им свойственно использование не только простых распространенных предложений с причастными оборотами, а также сложных подчинительных или сложных сочинительных предложений. Однако, зачастую встречаются смешанные типы, например: «*I love Harry Potter/LOTR and Narnia is another all time fav, it transports you to another world where you feel like your there and eating the pidgon pie with the fawns, smell the meadows and woods and preparing to go into battle*». Также следует отметить наличие эллиптических предложений, например: «*Fantastic condition*», «*Looking forward to reading on*», «*A must for every bookshelf*». Такие способы позволяют обратить внимание сразу же на главное, заинтриговать потенциального читателя.

Женщины, как правило, говорят о том, как данное произведение воспринял их ребенок, нежели описывают свои эмоции от прочтения. Так, в примере «*Bought this series to read to my daughter (6) as they were favourites of mine when I was younger. She has loved them so far, just finished "The Lion, the Witch and The Wardrobe". She told me she closes her eyes and can imagine the stories in her head :)» автор объясняет покупку данной серии книг тем, что эти рассказы нравились ей самой в детстве (однако нет детализации впечатлений от книги – просто использование одной лексической единицы с семантикой «нравится»). Напротив, эмоции дочери от прочтения подчёркиваются несколькими языковыми средствами: настоящим совершенным временем глаголов, передачей прямой речи, а также графическим элементом, «смайликом», который свидетельствует о положительной оценке. В отличие от мужчин, женщинам присуще в большей мере использование последнего*

средства. Можно предположить, что такие приемы позволяют передать эмоциональную составляющую, которая является отличительной чертой именно женской речи (о чем свидетельствует и данное исследование). Другими экспрессивными средствами, отмеченными в ходе анализа, являются многочисленные восклицательные предложения, сравнения, использование настоящего совершенного времени глаголов в целях сравнения, например: «*I decided to read the books in the 'second order' starting with the Magician's Nephew and I have never been so engrossed in a series of books in my life. At the age of 22 it was easy to get through them all although I have to say I felt about 10 years old sitting in my room (naturally under a sheet suspended by two dining room chairs as is the only way to read at that age) not in my early twenties sipping a caramel macchiato in Starbucks!*». В данном случае адресант вспоминает, как она пыталась прочитать это произведение в детстве и сравнивает прошлые эмоции со своими настоящими переживаниями. Автор указывает, что, несмотря на свой возраст, снова почувствовала себя полностью поглощенным чтением ребенком.

Другими отличительными (от речи мужчин) лингвистическими средствами являются эпитеты, которые передают оценочное отношение к произведению (например, «*This is a beautiful book, but very heavy!!*») и преувеличение, с помощью которого автор высказывает нетерпение ознакомиться с продолжением истории (например, «*Great books, my children are desperate for the next installment each night*») или утверждает, что данное произведение является широко известным людям во всем мире (например, «*I can't imagine there is anyone on this planet who hasn't heard of The Lion, The Witch and The Wardrobe*»).

Кроме того, женщины, выражая свои эмоции от приобретения/ прочтения данной книги, используют инверсию, «*So glad I read the Magician's Nephew first, helped answer a lot of questions from my 5 and 6 year old girls who love the lion, the witch and the wardrobe film*», которая немедленно обращает на это внимание реципиента. Можно предположить, что такой прием является важным элементом, поскольку многие читатели ориентируются именно на

эмоционально-экспрессивный фактор.

Общим предметом для описания в отзыве для мужчин и женщин является обращение внимания на качество издания произведения, что подчеркивается сравнительными элементами (представителями обоих полов), например в рецензии, написанной женщиной, «*Better quality than I expected - nice and light little books*». Кроме того, для женщин качество издание важно больше потому, что они выбирают данную книгу для детей, поэтому чем лучше качество, тем дольше она прослужит. Такое утверждение подкрепляется использованием инверсии в рецензии, в которой сообщается, кому именно адресуется купленное произведение, например: «*Bought this for my 6 year old niece, chose the h/b edition so it would last (I'm 50+ and on to my second p/b boxed set) hopefully for life or twenty plus years!*».

Итак, анализ выявил ряд отличительных и общих характерных черт в мужской и женской речи в электронных рецензиях на книги.

Мужской речи свойственно использование синтаксических средств для описания характеристик и оценивания книги и своих эмоций в целом. К использованным приемам относятся: сложные предложения с придаточными условия, времени и причины; параллельные конструкции, повтор, перечисление, отрицательные конструкции, риторические вопросы, противопоставление. Редким средством, которое встречается в отзывах, написанных мужчинами, является капитализация. Речь женщин, напротив, более эмоциональна. Женщинам присуще употребление не только сложных подчинительных, но и сложных сочинительных предложений или предложений смешанного типа, а также эллиптических предложений, настоящего совершенного времени глаголов, передачи прямой речи, а также графических элементов (в частности, «смайлика»). Среди риторических приемов, которые встречаются в отзывах женщин, отмечаются эпитеты, преувеличение, инверсия.

Лингвистическими средствами, общими для мужчин и женщин, являются восклицательные предложения и сравнительные конструкции. Как мужчины, так и женщины описывают в отзыве качество издания произведения. Однако,

женщины больше внимания уделяют тому, как данную книгу воспринял их ребенок, нежели концентрируются на собственных впечатлениях.

Направлениями дальнейших исследований может быть изучение влияния других социолингвистических факторов на формирование коммуникации в данном речевом жанре.

References

1. Голованова Е. В. Тип текста «аннотация к телефильмам» (На материале немецкой прессы). – Хабаровск, 2013. – 455 с.

2. Гришечкина Г. Ю. Коммуникативный аспект научной рецензии // Образование. Коммуникация. Ценности. (Проблемы, дискуссии, перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании», 19 ноября 2004 года. - Под ред. С.И. Дудника. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2014. – С. 22-25.

3. Довгань Н. В. Анализ композиционных особенностей рецензии на социальный роман (на материале текстов немецких специальных периодических изданий) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №1. – С. 62-65.

4. Кайда Л. Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. – М.: Флинта. – 2016. – 144 с.

5. Кройчик Л. Е. Система журналистических жанров. – СПб. : Аврора, 2010. – 357 с.

6. Прибыткова С. А. Семантико-прагматические рецензии как вторичный текст (на материале английского языка) : Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Тамбов, 2014. – 227 с.

7. Рижикова М. Д. Професійна належність мовця як чинник формування англомовного лаудативного дискурсу (на прикладі рецензій на книги) // Мовні і концептуальні картини світу. ВПЦ "Київський університет". – Київ, 2014. Випуск 50. – частина 2. – 510 с. – С. 290-297.

8. Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / [Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; пер. с англ. под общ. ред. Н. Б. Вахтина; сост.: Н. Б. Вахтин

и др.]; отв. ред.: Н.Б. Вахтин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 347 с.

GERMANIC LANGUAGES

UDC 80

Babina E.A. Indirect identifiers of emotion component of the Chinese woman image in the novel by A. Tan “The Joy Luck Club”

Языковой анализ эмоций как компонента структуры художественного образа женщины-китайки в романе Э. Тэн “The Joy Luck Club”

Babina Ekaterina Anatolyevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,

Severodvinsk

ekaterinanatolievna@gmail.com

Бабина Екатерина Анатольевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.

Ломоносова, г. Северодвинск

Abstract. The article regards emotions as an essential component of any literary image. The emotion component can be studied by means of indirect identifiers. The article considers the thematic classification of the range of indirect identifiers describing the Chinese female characters' emotions. Three thematic groups have been distinguished: identifiers expressing positive, negative and ambivalent emotions. Quantitative and qualitative filling of each thematic group has been studied; social-cultural reasons are given.

Keywords: America, China, emotion, female character, indirect identifier, literary image, the USA, woman.

When studying a literary image, it is important to analyse all components of its structure. If we speak about the character's literary image, one of its components is depicting of the character's feeling which is described by his/her emotions.

Emotion is a feeling, a very complex experience which is the result of a subjective measurement (or evaluation) of the probability of survival of the organism in a given situation or in front of any perceived stimulus [1]. Emotions have an important social function: they help people to understand each other better. Due to emotions a person can judge the other person's state without using speech and get ready for communication and joint activity. Another notable fact is that even people of different cultures are able to interpret and evaluate expression on one's face unmistakably, to define according to it such emotional states as joy, anger, grief, fear, disgust, astonishment. This fact also concerns those nations who have never contacted [2, p. 436].

That is why studying of such component of an image structure as the characters' emotions is especially interesting and essential in this research which deals with two different cultures: eastern and western. Emotions of the Chinese female characters having emigrated and living in the USA are represented in this research as a corresponding range of indirect identifiers of the literary image under analysis. It is necessary to define the notion of an indirect identifier: it is understood as a lexical unit characterizing the image of a Chinese woman created in the novel by A. Tan "The Joy Luck Club" in various aspects [3].

Thus, the range of indirect identifiers describing Chinese women's emotions in the novel is represented by 91 lexical units such as *love* (*v, n*) (49 contexts), *shame* (21), *scared* (19), *angry* (17), *hate* (*v, n*) (17), *worry* (*v, n*) (12), *pain* (8), *proud* (6), *embarrassed* (5), *joy* (5), *sad* (5) and others. For example: *How much **happier** could I be after seeing Tyan-yu eat a whole bowl of noodles without once complaining about its taste or my looks?* [3].

In psychology emotions division according to modality (quality) into positive and negative ones is considered to be universal [1, 2]. Positive emotions mean pleasure, whereas negative emotions are equal to displeasure.

Consequently, all the identifiers of the thematic row of Chinese woman's emotions can be divided according to modality into those expressing positive and negative emotions. Lexical units expressing Chinese women's negative emotions dominate quantitatively (71 units, 78 %): *annoyed, ashamed, disappoint, shame, sorrow, uneasy, unhappy* and others. Lexical units describing positive emotions make up only 17 %: *glad, happiness, joy, love, proud, soothed, relieved* and others. Such a classification shows the variety of positive and negative emotions. According to the numbers above, the most extended lexically group is that of negative emotions. Positive emotions are less various lexically.

Although, it is noteworthy that the emotions division into positive and negative is rather relative as emotional state pleasant to one person can be morally unacceptable for the other person, or society as a whole [4].

Thus, there also appears a group of ambivalent (discrepant) emotions. Here, for instance, the emotion of surprise is included which can be both pleasant and unpleasant depending on the situation, or can have no distinct positive or negative aspects [4]. In this research the group of ambivalent emotions is represented by 5 indirect identifiers: *amazed, amazement, anxiously, wonderment, worried*.

The quantitative information about the three groups of indirect identifiers expressing emotions is summarized in this table:

Table 1

Emotions	Positive	Negative	Ambivalen t
Identifiers quantity	15 units – 17 %	71 units – 78 %	5 units – 5%
Identifiers frequency	71 contexts	206 contexts	5 contexts

In this research all the indirect identifiers exist only in connection with the context. Each time it is the context that shows if a lexical unit expresses positive, negative or ambivalent emotion, and sends the identifier in the corresponding group.

Now let us examine an example. The identifier *amazed* is included in the group of ambivalent emotions and in the group of positive emotions. At first we will consider the contexts where there is positive connotation of the given lexical unit:

1) *So when the bombing sounds grew farther away, we would come back out like newborn kittens scratching our way back to the city. And always, I would be **amazed** to find the hills against the burning sky had not been torn apart [3].*

2) *And then, after I ceased to be **amazed** with the pleasant sounds of my voice saying new words, I tugged Amah's sleeve and asked: "Who is the Moon Lady?" [3].*

3) *I knew from the beginning our new home would not be an ordinary house. <...> The house, she said, was foreign-built; Wu Tsing liked foreign things because foreigners had made him rich. <...> And even though I knew all this before I arrived, I was still **amazed** at what I saw. <...> It was not that my uncle's house in Ningpo had been poor. He was actually quite well-to-do. But this house in Tientsin was **amazing** [3].*

Pleasant feeling of amazement is expressed in the given contexts. In the first context the unit *amazed* concerns the feeling of joy and relief because of the fact that the bombing did not destroy the landscape which the character loved so much. In the second context amazement is caused by beautiful sounding of the character's own voice, it is connected with admiration for pronouncing new words. In the third context the identifier *amazed* expresses admiration for the beauty and luxury of a new house.

Nevertheless, there are contexts where it is difficult to decide definitely if the emotions experienced by the character are positive or negative. The indirect identifier *amazed* refers to the group of ambivalent emotions in the following context: *In a matter of seconds, it seemed, I had gone from being angered by her strength, to being **amazed** by her innocence, and then frightened by her vulnerability [3].* Here the heroine describes her emotions concerning her mother. The amazement emotion is surrounded by two negative emotions: anger is changed into amazement which turns into fear. The amazement here cannot be positive; it does not result from joy. However, it hardly can be called negative too, as it is caused by pure, sincere feeling

close to compassion: the heroine is amazed by her mother's innocence, defenselessness, she is confused. This context is a bright example of expressing ambivalent emotion.

To define which emotions, positive or negative (indirect identifiers of ambivalent emotions are not considered further because of their evident singleness), are experienced by the Chinese women in the novel more often, it is necessary to study the frequency of the corresponding indirect identifiers (see Table 1). The most frequent identifier is *love* which is found in 49 contexts in the form of a noun or a verb and can concern the feeling of love between a man and a woman (26 contexts), for example: *He would grab my hands, look me straight in the eye and tell me something new about why he loved me. I'd never known **love** so pure, and I was afraid that it would become sullied by my mother* [3]. The identifier *love* can also mean maternal or filial love (14 contexts): *That's the way **Chinese mothers show they love their children**, not through hugs and kisses but with stern offerings of steamed dumplings, duck's gizzards, and crab* [3].

As a whole, if we compare not the separate identifiers but the groups of identifiers expressing positive and negative emotions, the conclusion is that the indirect identifiers of the negative emotions group are the most frequent (they are found in 206 contexts). The prevailing units of this group are *anger/angry* (28 contexts), *shame/shameful/ashamed* (24), *fear* (21), *hate* (17), *scared* (19). For example: *How could I scold my own mother? I could only feel **shame** seeing my mother wear her **shame** so boldly* [3].

Thus, negative emotions are not only represented by the widest range of lexical units, but also displayed most often by the Chinese female characters in the novel "The Joy Luck Club". Fear, anger, hatred are often caused by incomprehension, uncertainty, vagueness – states characteristic of the situation of war and emigration where the Chinese women characters of an elder generation have found themselves. The same states are characteristic of the bicultural situation which the Chinese women characters of a younger generation live in, brought up in the USA by their Chinese mothers.

The female characters of the novel face different problems on the way to their self-identity. However, emotions are universal for representatives of different cultures, for speakers of different languages and for different generations. Often it is the emotion that remains the only means of getting the understanding between the characters of the novel.

References

1. González M.P., Barrull E., Pons C., and Marteles P. What is emotion? 1998. [Electronic resource]. URL: http://www.biopsychology.org/biopsychology/papers/what_is_emotion.htm (reference date: 30.05.2016).
2. Nemov R.S. General fundamentals of psychology. Book 1 / Psychology. 4th ed. Moscow, 2003.
3. Tan A. The Joy Luck Club. New York, RosettaBooks LLC, 2003 [Electronic resource].
4. Tarasova L.E. General psychology: lectures summary. 2009. [Electronic resource]. URL: [http://www.e-reading.club/chapter.php/98064/19/Tarasova -
_Obshchaya_psihologiya_konspekt_lekciii.html](http://www.e-reading.club/chapter.php/98064/19/Tarasova_-_Obshchaya_psihologiya_konspekt_lekciii.html) (reference date: 30.05.2016).

Scientific edition

PHILOLOGY: ACTUAL QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Materials of the I international research
and practice conference

May 31st , 2016

Please address for questions and comments for publication as well as
suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the author's original texts

ISBN: 9781311148360

Format 60x84/16. Conventional printed sheets 3.3.

Circulation 500 copies

The publisher Sole proprietorship N.A. Krasnova

Address: USA, Los Gatos (CA) 15951 Gatos Blvd.,

Suite 16 Los Gatos, CA 95032